

Иван Быков

Бюро вечных услуг

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Бюро вечных услуг

«Автор»

2026

Быков И.

Бюро вечных услуг / И. Быков — «Автор», 2026

«Бюро Вечных Услуг» - вторая часть оригинального триптиха, продолжение романа «Унаги с маком». Читатель вновь проведет насыщенную неделю с Нестором и его семьей, посидит с главным героем в «Варяке» за кружкой пива, выпьет изысканного вина в «Доме Диониса», посетит чужие сны, станет свидетелем коварных измен и кровавых баталий. Миры Трилоки, в стремлении сохранить гармонию, противостоят глупости, меркантильности, ограниченности власть имущих. Сможет ли простой учитель истории в очередной раз спасти мир? Роман представляет собой активную зарядку для пытливого разума и рассчитан на подготовленного читателя старше 18 лет.

© Быков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Быков

Бюро вечных услуг

Бюро вечных услуг

*«Врачи, преподаватели, люди искусства.
Конечно, и среди них есть отступники и предатели.
Но если и осталась в жизни какая-то надежда,
вся надежда – на них. Немногих. На нас».*
Джон Фаулз, «Коллекционер».

1.

Нина кричала, Нина вопила, глухо – в дальней комнате дома, в гостиной, – вопила глухо и бесконечно. Нестор с досадой глянул на свои руки – они были в грязи, как, впрочем, и другие части обнаженного тела. Под вечер прошел достаточно резвый летний дождь, и земля все еще была влажной. Двор был освещен скупо – желтым светом, пробивавшимся из-за легких штор на кухне и в гостиной. Луна пряталась за темными массами то ли облаков, то ли туч.

«Нужно спешить, а то связки сорвет», – подумал Нестор и заторопился: постарался тихонько проскользнуть в прихожую. Не получилось. В темноте он неуклюже задел вешалку. Та радостно рухнула со свистящим шелестом: нейлоновые куртки раскинули по полу свои скользкие рукава. Нина закричала с новой силой. Теперь ее звонкий, но уже с хрипотцой голос не глушила каменная стена:

- Нестор! Неееестоооор!

Не заботясь более о конспирации, Нестор влетел в гостиную – голый и грязный. Нина быстро перетаптывалась с ноги на ногу на диване – пыталась на месте сбежать от кого-то. Она, забившись в угол, к животу, как щит, прижимала небольшую подушку-думочку. Глаза Нины были наполнены ужасом.

- Нестор! – орала она, не замечая мужа. – Змея! Змея, Нестор!

- Да тихо ты! – шикнул Нестор на жену. – Какая змея? Нет тут змей.

Он медленно, но уверенно высвободил думочку из побелевших Нининых пальцев. Жена прижала кулачки к груди. Переминалась она все медленнее, пока вовсе не затихла. Бегство от воображаемой змеи закончилось. Ужас выплескался из глаз бессильными слезами.

- Я вышла... петрушки... там, у смородины... серая...

Нина всхлипывала, сгибая дрожащие колени, пока не сжалась в комок на угловом диване.

- Где ты б-был? – наконец, всхлипнув в последний раз, успокоилась она.

- В душе, - не любил Нестор врать, но правду Нина и не ждала.

- Почему грязный? – Нина провела пальцем по плечу мужа и показала комочек земли.

- Не успел даже воду включить. Ты заорала.

- Так змея же, - Нина как будто оправдывалась, трогательно, по-детски. Нестору захотелось обнять жену, защитить от всех змей Вселенной, но сдержался – лишь бы не испачкать.

- Змея, - повторила Нина. – В огороде, у куста смородины. Я вышла петрушки нарвать. Серая, длинная. Гадюка? – Нестор заметил, как беспокойство в глазах жены вновь стремиться стать ужасом.

- Нет, не гадюка, – поспешил заверить он. – И даже не уж. Здесь не живут змеи.

- Но я же видела, - неуверенно настаивала Нина.

- Думаю, это хорек. – вдруг нашелся Нестор. – Я недавно видел объявления - развешаны в нашем городке.

- Какой хорек? – недоверчиво спросила Нина. – Какие объявления?

- Обычный домашний хорек. – Легенда была основательной, теперь Нестор мог строить свою неправдивую версию уверенно, хоть и без удовольствия. – Сейчас некоторые держат. Вместо кошки. Правда, зверушки эти беспокойные и кусачие. И сбегают часто – в любую щель просочатся. А бегут куда?

- Куда? – Нина широко раскрыла доверчивые глаза.

- В частный сектор, - улыбнулся Нестор покровительственно. – Здесь многие кур держат. Вот хорьки сюда и бегут. Сколько хорька не корми...

- Они серые? – решила окончательно обмануться Нина.

- Почти! – убедительно заверил Нестор. – А уж ночью, так вообще – все хорьки, как говорится, серы.

- Все кошки, - улыбнулась Нина.

- И кошки тоже, - согласился Нестор. - Я в душ.

- Я с тобой! – потребовала Нина.

- Идем, - кивнул Нестор. – Спину потрешь.

Нина была согласна тереть спину – лишь бы не оставаться наедине со змеевидным хорьком, пусть и домашним, но серым и потому пугающим.

Они вместе навели порядок в прихожей – установили вешалку на место, распределили одежду по крючкам. Потом пошли в душ. Сначала Нина молча стояла и глядела сквозь мужа. Не беспокоила его вопросами: почему грязный? почему голый? Боялась услышать ложь, а потому не заставляла врать.

Нестор смывал с тела следы своего путешествия. Он все никак не мог простить себе предельную небрежность – так напугать жену.

Потом Нина решила исполнить обещанное. Она решительно разделась и залезла в тесную для двоих кабинку душа – тереть мужу спину. Нина мылила мужа старательно – спину, грудь, ягодицы. Потом мыло оказалось в руках у Нестора. Потом они целовались – под горячими струями. Мыло гулко упало на дно кабинки и скользнуло к трапику вместе с течением пенного водоворота.

Из душа они вышли усталые, и он, и она – закутанные в широкие банные полотенца. На кухне Нина молча достала две коньячки из настенного шкафа и начатую бутылку итальянского бренди из бара. Плеснула – себе чуть-чуть, мужу – от души. Вездесущая кошка взобралась Нестору на колени.

Нестор был благодарен жене за неожиданно проявленную чуткость. Вечерний коньяк был весьма кстати. Так же, как и деликатное молчание. День оказался длинным и насыщенным. И почему бы: каникулы, отпуск, суббота, Антон гостит у Софьи Николаевны и Ивана Несторovichа. Но...

Но утром позвонил Кир...

2.

Телефон решил проснуться часов в десять.

Нестор только успел поставить на стол свой любимый субботний завтрак: поджаренный с кольцами лука бекон, залитый глазуньей из трех яиц. Все это великолепие он густо присыпал резаным зеленым луком и молотым черным перцем. На столе вокруг широкой плоской тарелки расположились: еще теплые тосты; пакет острого томатного соуса; масло под стеклянным колпаком; столовые приборы; пустая пивная кружка - из морозильника, а потому покрытая матовой патиной. Нестор уже успел включить телевизор и в ожидании, пока электронный мозг нащупает сеть и загрузит основное меню, открывал первую, самую долгожданную бутылку пива. Без нее суббота тоже не считалась пока «открытой».

Телефон звонил. Сколько лет уже прошло с начала эпохи мобильных средств связи, а телефон по-прежнему звонит. Да, вместо звонка играет выбранная тобой мелодия, но телефон все же не играет, а звонит. Сила традиции.

Нестор с тоской посмотрел на остывающее блюдо и на теряющую морозную свежесть кружку, а потом все же принял вызов, хотя и не был уверен, что в голосе его будет искриться радушие:

- Да, Наставник.
- Разбудил? – ровно спросил Кир.
- Нет, оторвал, - честно признался Нестор.
- От секса или от завтрака?
- От завтрака. Секс мой уехал в город – завозить плод этого самого секса к первопричине этого самого секса.

Кир помолчал, потом так же ровно спросил:

- Ты уже крякнул с утра?
- Только собирался.
- Тогда переведи, - попросил Наставник.
- Перевожу, - любезно согласился Нестор. – Нина увезла Антона к моим родителям. На выходные. Вернется вечером. Чтобы мы могли вспомнить молодость и насытиться первобытной страстью.

Кир снова помолчал, накладывая перевод на оригинал. Сошлось. Нестор даже почувствовал, как Наставник, наконец, кивнул на том конце телефонного разговора.

- Так ты сам?
- Выходит, сам. Завтракать сажусь, - еще раз напомнил Нестор.

Наставник снова невидимо кивнул. Потом спросил:

- Приедешь в «Варяк»?
- Сегодня? – замялся Нестор. – Зачем?
- Сегодня девять месяцев, - просто напомнил Кир.
- Да? – Нестор был озадачен: он, честно говоря, вовсе не вел счет месяцам, минувшим с тех трагических событий в октябре прошлого года. Но раз Наставник говорит, что девять месяцев – это срок знаковый, то следует верить. – Будем поминать?

- Будем, - подтвердил Кир. – Жду через два часа. Приятного аппетита.

Нестор отложил телефон. Совсем не хотелось ехать в город. Не идти пешком в маленький пригород, лежащий тут же, рядом, рукой подать, а именно ехать – вызывать такси и ехать в большой и суетный город. Субботние планы были иными: пиво, телевизор, книги. Вечером – прогулка к морю, жареная форель, бутылка-другая белого вина и жена. Простые радости простого человека.

- Видишь, Ка-Цэ, - обратился Нестор к маленькой кошке пестрой масти, свернувшейся на кухонном стуле. – Не дают нам с тобой покоя.

- Мяу? – переспросила Ка-Цэ, поднимая голову и щуя глаза.

- И тем не менее, завтраку – быть! – утвердил Нестор и нашел в меню телевизора новостной канал. Диктор радостно затараторил о грустном, нещадно перевирая факты и их причины, а также интонацию предложений и произношение слов. Диктор создавал общественное мнение, легко, без задней мысли и какой-либо собственной идеи, не «за совесть», а за зарплату, вкладывал доминирующую доктрину в неспособные к сопротивлению ленивые разумы. И для этой ответственной миссии необходимо было перевирать факты, интонацию и произношение.

- Вся просодия этой Взвеси, все тонкие нити мировой гармонии – к черту! – с досадой пожаловался Нестор трехцветной кошке.

Ка-Цэ была согласна. Настолько согласна, что покинула нагретое место на стуле и грациозно вознеслась Нестору на колени. С целью восстановления мировой гармонии. Стало неудобно, однако согнать этот маленький мурчащий генератор было бы кощунством.

Кошка проявилась в сказочном пространстве Кисельной улицы с первых дней «великого переселения». «Великим переселением» Нина назвала семейный выезд на все лето в маленький уютный дом номер восемь в пригороде. Перебралась семья только в первых числах июня, хотя Кир предложил Нестору обосноваться на Кисельной, 8 в первые же дни после битвы у Белого Ясеня.

- Нас теперь мало, мой юный падаван. Нас крайне мало, - посетовал тогда Наставник. – Каждый Наг – это сокровище Раджаса. Наг же Четвертого дна – бесценный раритет. Контора хочет – нет! Контора жаждет! - чтобы ты всегда был под рукой.

- Под хвостом, - отшутился Нестор. – Какие руки у Нагов?

- Не язви, - настаивал Кир. – Дом все равно пустует теперь, после ухода Семена. Намекни Нине, что я попросил: за домом следить, за участком.

- Да не захочет она. Скажет, что в глушь ее заточил.

- Так, Кощей, не морочь голову. Давай вместе уговорим твою Василису Капризную. В школу Антону только в сентябре. Ты на работу на своем «Змее» будешь ездить...

- Зимой? – усмехнулся Нестор.

- Да какие у нас зимы? – неуверенно возразил Наставник.

- Бывают разные. Да и в «Варяк» не сходишь, если на «Змее». Я же не пью за рулем, - привел Нестор самый веский довод. - Нет уж, благодарю. Да и зачем все это?

- Щель под боком, - грустно сказал Кир. Он уже смирился: Нестор не переедет за город.

- «Искать щель – субстанциональная, инклюзивная обязанность Нага», - вспомнил Нестор слова Наставника. – Нет. Пока нет. Может, летом?

Так Нестор, Нина и Антон стали на время сельскими жителями. И незаметно, как по велению некоего волшебного закона, в соответствии с исконной сказочной логикой – вот те изба, вот те кот – в семью вошла на мягких, но когтистых лапах трехцветная Ка-Цэ.

3.

Имя материализовалось вместе с самой кошкой и, претерпев ряд быстрых трансформаций, воплотилось в ёмкое Ка-Цэ. Случилось это так.

В самом начале июня «Daewoo» серого цвета с маячком на крыше устало вздрогнул у калитки аккуратного домика. Нестор выбрался из машины и поспешил открыть заднюю дверцу, но Нина уже высвободилась из объятий автомобильного кресла сама. Антон посапывал на заднем сидении – по мокрому асфальту из города ехали минут сорок.

Грунтовая дорога была присыпана желтой жертвой. В ясные, сухие дни ярко-желтая грунтовка радовала глаз и вызывала в памяти вполне объяснимые ассоциации с фантастическими историями Лаймена Баума. Но после ночного июньского дождя - даже в лучах утреннего солнца - дорога была бурой, слякотной, в частых проймах зеркальных луж.

Нестор рассчитался с водителем, постаравшись задобрить его чаевыми. Не помогло: таксист был по-утреннему хмур и неразговорчив. Оплата, названная диспетчером, по его – водителя - профессиональному мнению, не стоила сил, времени и ресурсов, затраченных на этот непростой извоз: путь был неблизким, цель располагалась за городом, подъездные дороги местами развезло. Машину теперь нужно было мыть, попутчиков назад вряд ли найдешь, - в общем, обычный штурм клиентского кошелька. Но Нестор не любил попадать в неловкие ситуации, а данная ситуация казалась ему крайне не ловкой. Он поспешил откупиться и от водителя, и от мнимого конфуза.

«Daewoo» достаточно неуклюже развернулся, практически потыкавшись бамперами в ворота по сторонам улицы, и обиженно укатил в город, оставив Нестора, Нину и заспанного

Антон у калитки дома номер восемь. Нестор держал сумку с вещами в левой руке, а правой пытался попасть ключом в дверной замок. Ему это удалось, калитка скрипнула, впуская новых жильцов за кирпичный забор. В этот же момент проснулся Антон.

- Смотрите, какая кошка! – живо воскликнул мальчик. – Цветная!

По ту сторону дороги, там, где зарос бурьяном пустой, еще не застроенный участок, сидела кошка.

- Кс-кс-кс! – позвал Антон. – Какая ты... куца!

Кошка действительно была куцей, маленькой, как бы игрушечной. Хотя почему-то не возникало сомнений в том, что это взрослое животное. Кошка тогда впервые заговорила.

- Мяу? – недоверчиво спросила она. Эта вопросительная интонация, как выяснилось впоследствии, была перманентной особенностью нового питомца в любом разговоре с новыми своими хозяевами. Ни с кем более кошка не разговаривала из аристократических соображений.

- Иди к нам! – подтвердил свое приглашение Антон.

- Не нужно! – вмешалась Нина. – Это чейная кошка. Видишь, какая она чистенькая?

- Чья-то, - исправил Нестор.

- Слышишь? Папа тоже говорит, что кошка хозяйская, - невозмутимо проигнорировала поправку Нина. – Идем в дом.

Но было поздно: «куца» уже маршировала через дорогу в новую жизнь. Именно маршировала – так Нестор обозначил этот кошкин анабазис. Животное отважно лавировало между зеркалами луж, высоко и ритмично поднимая лапы, боясь промочить их или испачкать. Если включить маршевую музыку, то зрелище было бы презанятным.

- Die Katze marschiert, - непроизвольно произнес Нестор, почему-то по-немецки.

- Ка-Цэ? – спросил Антон. – Мне нравится! Так ее и назовем.

- Нет, - улыбнулся Нестор, - Я сказал «die Katze» - «кошка» по-немецки. А Ка-Цэ – это другое, так спички называли в одном фильме.

- А почему спички так называли? – Антон требовал объяснений.

- Ну, - замялся Нестор, не зная, как сложнейшую парадигму этой философской универсалии передать простым, доступным языком детства, - Ка-Цэ в том фильме – это не просто спички...

- Волшебные? – обрадовался Антон. – Я помню этот фильм! Там один мальчик ломал спички и его желания исполнялись. Там еще робот был смешной – звали Балбес.

- Нет, - терпеливо возразил Нестор. – Тот фильм, о котором ты говоришь, называется «Тайна железной двери». А я говорю о другом фильме – о «Кин-дза-дза!».

- Тоже видел, - важно кивнул шестилетний Антон.

- Не думаю, - улыбнулся Нестор. Мальчик обиженно насутился, пряча за обидой стыд: он, как и его папа, не любил попадать в неловкие ситуации.

А Нестор все никак не мог сложить нужные слова. Как ребенку рассказать об индексе социальной дифференциации? Об универсальном эквиваленте всего и вся? О жутком перевоплощении культурного опыта целой цивилизации в нелепые КЦ – в ничтожные суррогаты великого духа?

- Ка-Цэ в том фильме не были волшебными, - наконец пояснил Нестор. – Спички просто использовали там вместо денег.

- Понятно, - кивнул Антон, хотя уже не слушал никаких объяснений. Он и предмет беседы давно упустил из виду: кошка успела перемаршировать через слякотную жерству Кисельной улицы. Теперь пестрое животное возлегало на плече Антона – пачкала новую ярко-зеленую футболку и генерировала тракторное мурчание.

- Ка-Цэ! – погладил мальчик трехцветную шерстку. – Идем в дом. Будешь с нами жить.

Нина беспомощно вздохнула, а Нестор по этому случаю вспомнил:

- Есть такая присказка: «все равно, что кошку в дом тащить».

- И что это значит? – спросила Нина.

- Не скажу точно, - засомневался Нестор. – Что-то вроде: может и мышь поймать, может и посуду разбить; может с ребенком поиграть, а может и мебель разодрать. Другими словами, кошка в доме – жди неожиданностей.

- Зачем ты все это говоришь? – спросила Нина, которая сама только что требовала разъяснений. - Ты против кошки?

- Нет, я сказал это лишь для общего сведения. Просто в качестве бытовой информации, - вздохнул Нестор.

- Кстати, - насторожилась Нина, - в доме есть мыши?

- Нет, - поспешил заверить Нестор. – Только змеи.

Нина тогда не улыбнулась. И, как показал сегодняшний вечер, - не зря.

А Ка-Цэ с того дня стала жить вместе с ними. Прежний ее хозяин – если он был – так и не объявился.

4.

Тамара разливала пиво, грузчик Володя гремел стальными кегами в волшебном закулисье. Нестор не был в «Варяке» уже более месяца, но здесь время замерло, как в сказочном королевстве. Все было по-старому.

Кир одиноко занимал большой деревянный стол с растрескавшейся столешницей, за которым могли комфортно разместиться человек восемь. Народу в пивной было много. Нестор не без оснований подозревал, что Наставник использовал один из своих безобидных, но действенных гипнотических приемов. По случаю поминовения Семена Кир держался строго, хотя в глазах его таились неотъемлемые задорные искры.

Нестор направился к стойке, откуда и приветствовал Наставника, помахав рукой. Кир помахал в ответ.

- Забыли нас? – поинтересовалась Тамара, винодел по профессии, бармен по призванию.

- Как можно! – искренне возмутился Нестор. – Каникулы, мы за город перебрались. Временно!

- Променяли наше пиво на сельский самогон?

- На это я пойти никак не могу! – браво отрапортовал Нестор. – Две «Баварии», будьте добры.

- И кольца? – напомнила Тамара.

- И кольца! – весело согласился Нестор.

Кир поднял кружку в приветственном тосте. «Сдвигать бокалы» не стали – не тот повод. Треснул пакет с кольцами кальмара. Нестор поспешил сделать свежий глоток, пока не осела пена. Помолчали.

- Как Нина? – наконец спросил Кир. – Освоилась?

- Спасибо, - поблагодарил Нестор. - Привыкает понемногу к загородной жизни. Первое время маялась. Помните, как Алиса у Высоцкого: «"Почитай", - я сажусь и читаю, "Поиграй", - и я с кошкой играю. Все равно я ужасно скучаю...».

- Там замечательная библиотека, - подтвердил Кир. – Есть, чем заняться. Ну, кошку, извините, не предусмотрели.

- Она сама себя предусмотрела, - улыбнулся Нестор.

- Кто? Нина? – не понял Наставник.

- Кошка, - пояснил Нестор. – Трехцветная приبلуда. Живет теперь с нами. Пока хозяин не объявится. Кстати, не знаете, чья может быть такая?

- Нет, - задумался Кир. – Надо заехать к вам. С новосельем поздравить. А то уже почти два месяца, как на новом месте, а я еще ни разу не гостил. И на кошку глянуть заодно.

- Разочаруетесь. Обычное маленькое животное. Правда, довольно милое. А заехать – да! – надо, - радушно объявил Нестор. - Нина часто спрашивает. Шашлык замариновую. Коньяк откроем.

- Не люблю летом коньяк, - внес Наставник веские коррективы в план. – Летом пиво люблю. Вино холодное.

- Не проблема, - заверил Нестор. – По дороге мидий возьмем на Переправе. Кстати, о пиве: Вам обновить?

Через некоторое время Нестор вернулся от стойки к столу, неся в каждой руке по две полных кружки. Выпили за встречу. Теперь уже можно было звякнуть краем бокала о край, символически обмениваясь пеной в знак дружбы и взаимного доверия.

- Когда я спрашивал о Нине, - снова заговорил Кир. – Я имел в виду другое. Так освоилась ли?

Нестор понимал, о чем спрашивает Наставник. Говорить на эту тему не очень-то и хотелось. Но тем не менее вопрос прозвучал.

- Делает вид, - неохотно ответил Нестор. – Играет в игру. Вернее, думает, что я играю в игру. И подыгрывает. В меру своих женских сил и понимания.

- Отличное состояние! – неожиданно обрадовался Наставник. – Как и у моей Ларисы – активная репрессия.

- Я бы сказал, регрессия, - вздохнул Нестор. – Чуть мужа не потеряла, а все для нее игрушки.

- Ну, объективно говоря, мужа бы она не потеряла, - исправил Наставник.

- Как же? Сколько наших тогда полегло в битве! – возразил Нестор. Его давно интересовало, каким образом в иллюзорном мире Взвеси удалось объяснить одновременную гибель такого количества людей: и Нагов, и городских магов. Но сам он спросить не решался, а Наставник молчал. И вот неожиданно решил внести ясность.

- Много, - кивнул Кир. – Наших полегло много. И пауков этих мы обратили в жижу немало. Но здесь, во Взвеси, они остались живы и здоровы. Вот только перестали быть Нагами и городскими магами.

- Но как? – Нестор был изумлен, хотя подобная мысль приходила и без теперешних откровений Наставника.

- Обычно, - пожал плечами Кир. – Они обычно стали обычными людьми. Наги утратили способности, перестали «видеть душой», забыли о Раджасе. Для городских магов – еще проще: их меркантильное естество настолько вписывается в создаваемую иерофантами экосистему, что они и так ничем не отличаются от обычных людей. Разве что – более материально ориентированы, менее принципиальны, а потому более успешны. Успешны в том понимании, которое постулирует индекс ССС...

- Простите? Индекс ССС? – переспросил Нестор, показывая, что он внимательно следит за разговором.

- Индекс ССС, - повторил Кир. – Степень соответствия системе. Но об этом позже поговорим. Так вот, если мы, Наги, осознаем наше Нагово естество, то городскому магу понимание собственной природы претит, оно ему не нужно, стало быть, - недоступно. Просто после битвы у Белого Ясеня тысячи людей – бывших городских магов - стали больше думать о других и вечном и меньше думать о себе и сиюминутном. Как вернешься на Кисельную, посети муравейник. Встретимся вечером в Конторе. По твою душу бумага пришла. С самого Дна.

- А как же Волх? – спросил Нестор, оставляя пока за скобками приглашение посетить сегодня Раджас.

- Семен Немирович умер. Взял – и умер. Одновременно умер и черно-белый Дракон. Два существа ушли вместе: Дракон и человек. Вернее, две сути одного существа.

- Зачем? – вот теперь Нестору стало грустно; накатило.

- А иначе нельзя было, - развел руками Наставник. – Такова была цена, которую сам Семен назначил за нашу Взвесь. Сам назначил, сам заплатил.

- Жертва? – подвел черту Нестор. – Жизнь целого Дракона за бытие какой-то одной Взвеси?

- Не за жизнь, - отрицательно покачал головой Кир. – Вы знаете, что такое сукцессия?

- Нечто из биологии? – пожал плечами Нестор. – Я же историк. Естественные науки – иное поле, не мое.

- Не беда, - заверил Кир. – Я Вас просвещу. Пусть Вы не биолог, но тоже интеллигентный человек. Так что наверняка помните, что такое экосистема?

- В общих чертах, - смутился Нестор. – Некая среда обитания для определенных видов растений и животных. Сбалансированная среда.

- Именно – сбалансированная! Но не только для организмов, - поправил Кир. – Экосистема – это сбалансированная среда для любого явления, от мобильного телефона до целой культуры, цивилизации. И система эта не статична. Она постоянно подвергается изменениям. Производители телефонов создают вокруг новых моделей новую экосистему, включающую соответствующие гаджеты, программное обеспечение, аксессуары. Каждая культура создает благоприятную для себя среду – языковую, этическую, экономическую. Изменения происходят под воздействием внешних, а главное – внутренних факторов. Этот процесс всевозможных метаморфоз экосистемы и называется сукцессией. Пока все прозрачно?

Нестор кивнул – у него действительно пока не возникало никаких вопросов.

5.

- Так вот, - продолжил Кир, - сукцессия ведет к некой финальной форме, к некому оптимальному содержанию. Это наиболее сбалансированное состояние экосистемы называют климатическим.

- К чему все это? – рискнул перебить Нестор.

- К тому, что Вы, мой друг, будучи героем битвы при Белом Ясене, спасшим нашу Взвесь от великой катастрофы, как я вижу, так и не поняли сами, за что сражались.

Как объяснил Наставник, тогда, девять месяцев назад, у Мирового дерева не искали ответ на вопрос «быть или не быть?». Нет, в жестоком бою определяли какой именно быть нашей Взвеси. Ее – Взвеси – экосистема обладает колоссальной внутренней устойчивостью. Баланс был бы сохранен при любом исходе. Вот только представления об оптимальном содержании этого баланса у Раджаса и иерофантов абсолютно разные.

- Провисела бы наша Взвесь черным яблоком у самой травы еще не один миллион лет. Мы просто сделали яблоко несколько светлее, - подвел итог Кир. – И противостояние, как сам понимаешь, еще не закончено.

Нестор почувствовал, что вот сейчас и начнется, собственно, разговор. Не на поминки - ох, не просто на поминки - позвал Наставник своего подопечного.

Тут Нестор вспомнил, что привез Наставнику подарок. Порывшись в перекинутой через плечо планшетке, он положил перед Киром на стол затертую, замусоленную салфетку. На салфетке рукой Семёна Немировича Волха было выведено два коротких слова латиницей: «PIN» и «DOS».

- Нашел недавно в кармане, - пояснил Нестор. – Тогда, у Белого Ясеня, совсем о ней забыл. Вот и осталась.

- Personal Identification Number. Disk Operating System, - расшифровал Наставник обе аббревиатуры. – Помню. Гениальный эвфемизм. Оцифрованные мысли, поступки по алгоритму, жизнь по программе. Записали PIN на DOS, стерли PIN с DOSa, - кто заметит?

- Но мы же работаем над этим, - улыбнулся Нестор. - Над тем, чтобы люди перестали быть PINDOSами и снова вернули себе человеческий облик.

- Работаем, - согласился Наставник. – Но и стой стороны работа не прекращается.

Кир обхватил кружку пухлой дланью, осушил в два глотка и потянулся за второй, полной. Немного помолчав, Наставник спросил:

- Отдохнул?

- В процессе, - не соврал Нестор. – Но по ночам уже не кричу.

- Пора двигаться дальше, - не то попросил, не то приказал Наставник.

Нестор не возражал – раз надо, значит, надо. После достопамятной битвы оставшихся в живых Нагов можно было счесть по хвостам. Безусловно, перевоплощались, как и прежде, неофиты; малочисленные Наставники вели одновременно несколько линий, что в другое, менее тревожное, время было редким исключением. Штат Конторы понемногу восполнялся. Но бесценный опыт тех хмурых дней превратил Нагов, вышедших из пепла, в незаменимых сотрудников, в настоящих ветеранов Раджаса. И работы для «стариков» было много. Тонкой, деликатной работы, которую никак нельзя было бы доверить недавно «сыгравшим в прятки» новичкам - в виду недостатка у них квалификации. Так что Нестор был благодарен за столь долгий отпуск и воспринимал эти тихие дни в семье как щедрый подарок Раджаса и судьбы.

А теперь отпущенный для отдыха срок истек и пора было двигаться дальше. Осталось только спросить – куда. И Нестор спросил, и Наставник ответил.

- У Вас, Нестор Иванович, - официальным тоном предупредил Кир, - завтра свидание.

- Завтра? – поморщился Нестор. - Воскресенье все-таки. Нина ворчать будет.

- Совсем не отпустит? – посочувствовал Кир. – Даже будучи предупреждена, что муж идет по важным змеиным делам?

- Отпустить-то отпустит, - вздохнул Нестор. – И даже выкажет уважение и сделает вид, что прониклась, что верит в значимость и ответственность моих «змеиных» дел.

- Но? – подхватил Кир

- Но все равно решит, что я пошел по бабам, - закончил Нестор.

Кир рассмеялся, хлопнув ладонями по объемным бедрам.

- Мой друг, ваша жена – прелесть! По бабам! Какое чудо! Жена дома – женщина, а женщина вне дома – баба. Какой претенциозный транспондер! Так в Древних Греции и Риме делили весь мир на эллинов и варваров. Славяне в древности говорили «не мы – немцы», - ну, или как-то похоже - и делили мир на своих, говорящих, и «немцев», немых. Какое тонкое родовое чутье встроено в женщинах вообще и в Нине в частности! Какое чудо! Просто миракль, а не чудо! – стукнули бокалами, выпили за жен. – Знаю, что мы сделаем! – вдруг просветлел Кир. – Мы перенастроим их транспондеры. Обогатим их, так сказать, совместным опытом.

- Познакомим наших жен? – догадался Нестор.

- Именно, мой друг! Никак иначе! – энергично закивал Кир. – Все равно я напросился на кошку смотреть. Как там ее зовут?

- Кошку? – удивился Нестор вопросу. – Кошку зовут Ка-Це.

- Ка-Це, значит, - Кир «попробовал» кошачью кличку на вкус и усмехнулся, оценив масштаб иронии. – Вот соберемся по-свойски, чатланами, гравицапу откроем и обе наши бандуры – Нину и Ларису - настроим в одной тональности.

Вновь став серьезным в следующее мгновение, Кир продолжил:

- Уверен - Нина простит мужа за отсутствие. Но воскресная встреча должна состояться обязательно, не взирая на женский форс-мажор.

- В Конторе? – смирился Нестор. – Или здесь, в «Варяке»? С кем встреча?

Наставник хитро улыбнулся.

- С напарником. Вам предстоит встреча с напарником.

- Играем сцену из гангстерского боевика? – Нестор был полон скепсиса.

- Думаю, таких боевиков еще не снимали, - заверил Кир. – После этой встречи любой уже виденный боевик Вам покажется пресным.

- Интрига! – оценил Нестор.

- Еще какая! – подтвердил Кир. – Впоследствии вы будете встречаться и в Конторе, и здесь, и даже дома, на Кисельной. (Нестор удивленно поднял бровь, Кир утвердительно кивнул). Но первая встреча символична. Ее попросили провести в конкретном месте. Не в «Варяке» - Ваш визави слишком изыскан для пива.

6.

- Попросили? – переспросил Нестор – Как всегда, «с самого Дна»?

Кир покачал головой, не торопясь отвечать.

- Помните дегустационный зал в «Доме Диониса»? – спросил Наставник вместо ответа.

- Знаю, что он там есть, - кивнул Нестор. – Но сам не был никогда. Там, насколько я знаю, даже не готовят. Несколько столов, вино, нарезные деликатесы, маслины да сыры. Дорого все. И сомелье-павлины. Не мой стиль. Не разбираюсь в винах.

- Ничего, - успокоил Кир. – Она разбирается.

- Она?

- Ваша спутница. Ваш напарник.

- Не Наг? Просто женщина? – Нестор был озадачен.

- Разве бывают «просто женщины»? – пристыдил Наставник.

- А если без куртуазной философии? Кто она? – нетерпеливо потребовал Нестор.

- Не знаю, - честно признался Кир. – Кто угодно. Кого выберут. Без сомнения – из знакомых. Может, Антонина Николаевна...

- Директор моей школы!?

Кир только пожал плечами.

- Может, Нина...

Тут Нестор совсем опешил. Закралось какое-то нехорошее предчувствие.

- При чем тут моя жена? Это же дела Раджаса.

- Не только. Это дела всех миров Трилоки. Твоим напарником...

- Напарницей, - исправил Нестор почти раздраженно.

- Твоей напарницей, - не возражал Кир, - будет не агент Раджаса. И не просто женщина. Твоей напарницей будет представительница Саттва.

Прозвучали настолько невероятные вещи, что Нестор даже не смог удивиться. Его напарницей никак не могла быть агент Саттва. Просто потому, что в Саттва не было никаких агентов. И не могло быть.

Миры Трилоки лишь называются мирами. В действительности все они - все многообразие Вселенной – представляют собой единую всепроникающую гармонию. Любой артефакт этого гармоничного поля, любая акциденция, любое явление - триедины, поскольку сотканы из нитей трех миров, трех типов, трех «пород», трех качеств-гун.

Прочную основу вселенской гармонии составляют черные нити Тамаса – мира тишины и спокойствия, мира бездействия, мира памяти и тьмы, где все ценное и полезное хранится вечно, а все ненужное – уничтожается безвозвратно. Тамас не терпит суеты. Это мрачный архив Вселенной, ее таинственные подземелья, бездонные, бескрайние, как сам космос.

Нити Раджаса пронизывают ткань Вселенной деятельным огнем. Все, что происходит, движется, претворяется и перевоплощается, наполнено активной энергией этого мира. Наги, от Первого до Седьмого дна, - верные и незаменимые агенты Раджаса. Они стоят на страже гармонии. Умелое, тактичное, а порой (как показали события у горы Меру, у Мирового дерева) и жертвенное участие Нагов – надежная гарантия того, что та или иная Взвазь не осядет илом прежде уготованного ей времени.

Искусный узор Саттва неотделимо вплетен в основу вселенской ткани. Это сияние творческого замысла, неосвязаемость духа, свет чистого разума, первопричина. Искра, необходимая для того, чтобы запылало пламя Раджаса, постепенно превращая все в золу Тамаса. Саттва – слово, Раджас – дело, Тамас – бездействие.

Замыслам, что порождены сияющим миром Саттва, для воплощения необходимы Наги – агенты Раджаса. «Агент Саттва» - словосочетание немислимое, абсурдное. Оно звучало, подобно сказке о том, что вчера в гости заходило государство и приглашало на чай к религии. Два этих слова вместе - Саттва и агент - Нестор воспринимал как несуразный троп, как фигуру речи, как забавную аллегорю, что-то вроде «Носа» Гоголя или обращения Алисы к собственным ногам. «Агент Саттва» - все равно что «ум улыбнулся» или «мысль ударила», не в переносном значении - «неожиданно пришла в голову», а в прямом – ударила, скажем, в глаз.

Но Наставник сказал, что его напарницей будет агент Саттва. Нестор ждал объяснений. И ожидание это длилось уже полторы кружки. Наконец Нестор решил сам прервать молчание:

- О каком агенте Саттва идет речь? Вы же сами учили меня: проявления Саттва во Взвеси иные, нематериальные. Это абстракция, дух, замысел. Не знаю – гений, муза, свет, в конце концов. Нельзя же, чтобы свет заговорил?

Кир усмехнулся:

- Выходит, можно. Считай, что на некоторое время ты обзаведешься персональной музой.

- Музой во плоти?

- Музой в чужой плоти, - добавил Кир. – У нее не будет - как бы точнее сказать? – собственного тела.

Нестор вопросительно промолчал.

- Твоей напарницей будет женщина, - ответил Кир на немой вопрос. – Знакомая тебе женщина. Не обязательно одна и та же женщина. Разные. Но знакомые тебе – тут нужен контакт.

- Как во время «работы совестью»? – Нестор задал вопрос неосознанно, его мысли были спутаны.

- Именно! – обрадовался Наставник удачному сравнению. – Только ты «работал совестью» во сне Юджина Гуляйкоффа, а агент Саттва будет «работать музой» в твоём бодрствовании.

- Значит, моя напарница будет принимать образ одной из моих знакомых? – наконец-то уяснил Нестор. – Любой из них? По своему усмотрению? Чтобы нам было проще, - тут Нестор замялся, подбирая нужное слово, - чтобы было проще взаимодействовать?

Кир тяжело вздохнул.

- Все еще сложнее, - Наставник сделал жест, как бы сметая со стола все ложные выводы своего подопечного. – Никто не будет принимать ничей облик. Никакого обмана. Ты будешь «взаимодействовать» с реальной женщиной.

- Давайте-ка я обновлю у Тамары, - беспомощно предложил Нестор. Ему нужен был таймаут.

Кир не возражал, и Нестор почти бегом направился к спасительной стойке – в юности, на дружеских посиделках, такой поход от стола к стойке называли по-особому: «метнуться кабанчиком». И вот Нестор «метнулся кабанчиком» за пивом для себя и Наставника, чтобы использовать выигранный десяток минут для передышки. Нужно было восстановить силы – собрать воедино разбежавшиеся мысли. Выходит, некое проявление мира Саттва будет на неопределенное время брать взаймы, в аренду, женские тела из Несторова окружения? Вместо Нины, например, Нестор будет разговаривать с маловнятным, чуждым естеством из абстрактного мира идей и замыслов? Свершать совместные дела, проводить время, контактировать, зная, что за знакомым, привычным обликом близкого человека таится далекое, пугающее нечто?

Нестор настолько ушел в себя, что не сразу смог вернуться в обыденный зал «Варяка».

- Ау! – звала Тамара. – Стынет-оседает-ждет!

- Что? – очнулся наконец Нестор.

- Пиво стынет, пена оседает, Ваш приятель нетерпеливо ждет, - повторила Тамара из-за стойки.

Нестор поблагодарил, рассчитался и направился к столу со свежим грузом – уже не кабанчиком, а тихим ходом.

7.

Кир уже собирался уходить: он складировал на деревянной столешнице мятые купюры, готовясь к окончательному расчету с Тамарой. Поэтому «по последней» выпили быстро, сосредоточенно. Вернее, выпил Кир. Нестор решил не торопиться.

- Салфетку спрячь, - сказал Кир, аккуратно сдвинув наследие Семена Немировича Волха в сторону своего собеседника.

- Я же Вам принес, как память, как сувенир. Может, в Раджасе есть специальное место для таких вещей, - попытался возразить Нестор.

- Музей подарков? Как в передаче «Поле чудес»? – Кир весело рассмеялся. – Нет такого музея. Есть оружейный склад. И этому артефакту именно там и место.

Нестор вспомнил, какую роль сыграли несколько таких салфеток в битве при Игтдрасиле и согласился:

- Тем более. Я же потерять могу, выкинуть случайно, использовать просто – как салфетку. Или сработает случайно, навредит кому-то. Зачем мне такая ответственность?

- Считаю, что сдал в арсенал и снова получил для оперативного владения. Под роспись! - по возможности строго сказал Наставник и Нестор послушно вернул салфетку в карман планшетки. – Кстати, сегодня в моем кабинете получишь и другие полезные вещи. Инструктаж пройдешь. Тебе предстоят напряженные будни.

Нестор ощутил, что беспокойство настойчиво просится в гости, – знал он эти «полезные вещи» и «напряженные будни». Но Наставник снова рассмеялся, чем отвлек от тревожных мыслей.

- Обожаю филологов! – Кир хлопнул себя по бедрам. - Глянь, что выцарапали. Точно такое же творчество видел в аудитории филфака, на задней парте. Даже почерк похож.

Нестор взглянул на столешницу. На том месте, где только что лежала салфетка Волха, под треснутым лаком покрытия было даже не выцарапано, а как будто выдавлено дугой прибора для выжигания:

*«Холодно и зябко
Маленькой макаке.
Прилипают как
К волосатой сраке».*

И рядом с этой нравоучительной притчей была нарисована жалостливая обезьянья рожица – мохнатая, с сосульками на оттопыренных мочках.

- Заметили, какая чудная аллитерация? – восторгался Кир.

- Нет, - честно признался Нестор.

- Ну, как же! Такое чуткое чередование звуков «Л» и «К»! – Кир проиллюстрировал свои слова, несколько раз ткнув розовым пальцем в выжженную надпись. - Даже если слов не знаешь – проникнешься определенным чувством.

- Каким чувством? – терпеливо спросил Нестор.

- Вот все время забываю, что Вы не филолог! – спохватился Кир.

- Я историк, - напомнил Нестор, - но тоже интеллигентный человек.

- Конечно-конечно, - согласно закивал Кир. – Без сомнения! Но труды Потебни не читали? Александра Афанасьевича? Его записки о народности языка, о его поэтике, о связи слова и мысли?

Нестор честно признался, что не читал, но пообещал восполнить этот пробел.

- Обязательно восполните! – распорядился Кир. – Вам как историку просто необходимо иногда уходить от скучных дат, фактов и событий и стараться взглянуть на исторические процессы шире – через анализ первоосновы. А что является первоосновой любой исторической активности? – лукаво спросил Наставник.

- Что? – так же лукаво подыграл Нестор.

- Конечно же, язык! – радостно заявил Кир. - Язык, речь – первооснова любого проявления народной духовности, культуры. И стало быть, именно язык лежит в самом основании всех исторических процессов.

- Я бы поспорил, - с сомнением возразил Нестор.

- И даже не смейте! – Кир шлепнул ладонью по облупленному лаку столешницы. – Это я Вам как Наставник говорю!

- Так что там со звуками? – примирительно напомнил Нестор.

- Звук «Л» случает, льнет, прилипает, ласкает, намекает на близость. И звук «К» кроит на куски, дает ощущение конечности и контакта.

- Это куски каках льнут? Контактируют, так сказать, со сракой? – уточнил Нестор.

- Как-то так, - кивнул Кир.

- Бред какой-то, - пожал плечами Нестор. – Обычные звуки. Никуда не льнут, ничего не кроят. Пока в слова не лягут. Этим, что ли, филологи занимаются?

- И этим в частности, - подтвердил Наставник.

- Сплошные допущения и выдумки, - пренебрежительно заметил Нестор. – История – наука конкретная.

- Да, уж! Конкретнее не бывает, - усмехнулся Кир. – Думаю, допущений и выдумок в исторических науках не меньше. Кроме того, тебе нужно раздвигать границы мышления, подходить к вопросам с более абстрактных позиций.

- Зачем? – решил уточнить Нестор.

- По зову службы, по роду дела, - пояснил Наставник. – Чтобы найти общий язык со своей будущей напарницей. Не помешало бы тебе кое-что узнать о воплощениях мира Саттва в иллюзорном мире Вздеси.

- Я весь во внимании, - Нестор мимикой показал, как он теперь деловит и сосредоточен.

- Вечером, все вечером. В Конторе, - Наставник решительно встал из-за стола; его слегка качнуло. – Ноги засидел, - поморщился он.

Нестор допивал пиво, уже выдохшееся, нагретое теплом ладони до комнатной температуры, и наблюдал, как Кир рассчитывается у стойки, прощается с Тамарой и направляется к выходу. Скоро маятник широкой Кировой спины скрылся за дверью. А Нестор все сидел, упиваясь шумным спокойствием «Варяка», этим ровным умиротворением пивной, и думал. Думал о многом – о конкретном и абстрактном. Абстрактные свои мысли Нестор не доверил бы записать даже самому умелому филологу. А конкретная мысль была одна – повторить ли «Баварское»?

8.

Зоенька сияла. Она уже вскрыла тонкий целлофан упаковки и держала зеленый халат так, чтобы Нестору было как можно удобнее нырнуть в рукава руками. Амарантовый пояс был перекинут через изящное плечико девушки (оба ее плечика были скрыты таким же зеленым халатом). Зоенька, как всегда, излучала счастье и готовность служить, заливая этим лучистым сиянием коридоры Раджаса. Это экзальтированное состояние радости при каждой встрече оставалось для Нестора загадкой: является ли этот накал позитивных эмоций лишь демонстрацией профессионализма или это действительно искреннее проявление чувств?

Начинался ритуал, который они разыгрывали каждый раз при посещении Нестором Конторы. Нестор исчезал у самого входа-выхода, перед стойкой выдачи униформы. Некогда Зоенька начинала свою змеиную карьеру именно здесь, за стойкой, в должности младшей кастелянши. Пылающие, бурные события тех дней скоростным лифтом переправили Нестора с Первого дна на Четвертое, а Зоеньке позволили приступить к такой престижной и желанной службе в роли личного эскорта у «молодого и перспективного» (по словам начальства) Нага.

Так вот, всякий раз, являясь в коридоры Раджаса, Нестор использовал одно из умений Нага Четвертого дна – он становился невидимым, исчезал и неожиданно материализовывался уже облаченным в халат-униформу. Зоенька, всякий раз взвизгивала от восторга и быстро опоясывала своего «шефа» амарантовым поясом.

Когда-то дорога в Раджас открывалась для Нестора исключительно по зову проводника – маленького бессловесного ужика, которого присылал Наставник за своим подопечным. Входом в один из миров Трилоки могли служить любые подземные лабиринты, не созданные руками человека: муравьиные лазы, кротовые норы или пещерки тарантулов. Но тогда, девять месяцев назад, Нестор был Нагом Первого дна, подпоясывался бирюзовым поясом и обладал лишь одним Наговым умением – умением перевоплощаться.

Цвет пояса Нага Первого дна никак не разнился по тону с цветом халата. Но халат был зеленым, а пояс, «цветовой индекс социальной дифференциации», выполнявший ту же функцию, что и штаны у жителей планеты Плюк, – именно бирюзовым. Важность такого номинативно-семантического различия неоднократно подчеркивал Кир в наставнических проповедях. Нестор так до конца и не разобрался в истинных мотивах этого разграничения. Он знал лишь то, что зеленый халат – это просто униформа, общая для всех в Конторе, а вот пояс – совсем другое дело. Цвет пояса выражал саму первооснову Нагова естества, совпадал с цветом кожи своего носителя (в состоянии перевоплощения) и одновременно являлся символом самого главного свойства, которое, собственно, и отличало Нагов от обычных людей: умения «смотреть душой», благодаря чему видеть исключительную суть предметов, явлений, событий.

Когда Раджас реализовывал глобальный проект по инициации и воспитанию Юджина Гуляйкоффа, будущего социолога, изобретателя брендденга, Нестор был понижен до Второго дна. Лишь на Втором дне Наг обретал необходимые для выполнения возложенной на Нестора миссии умения: «работать совестью», посещать чужие сны и пользоваться тем гипнотическим воздействием, которое так эффективно опробовал удав Каа на бандерлогах. Тогда Нестору был вручен турмалиновый пояс, но опоясываться турмалином довелось всего на протяжении нескольких дней.

Инициация Юджина Гуляйкоффа – или Жени Гуляйкова, ученика девятого класса – побудила иерофантов к активным действиям. Вбросами вирусной информации исполнители иерофантов раскачали Тамас, мрачный архив памяти, не терпящий никаких возмущений. Кроме того, псевдожизнью было наделено мерзейшее существо, Деньгон, – «ментальная проекция сути денежного оборота в мир иллюзорной реальности», как охарактеризовал его тогда Наставник. Все Наги были призваны на защиту Взвеси от роковых изменений, грозящих иллюзорному миру Бытия катастрофой. Нестор вышел – вернее, примчался на верном кастоме «Змее» – на битву у мирового дерева Нагом Третьего дна. Каждый Наг, достигший третьего дна, пополнял арсенал умением применять в бою смертоносный змеиный яд. Однако терракотовый пояс Нестору так и не удалось примерить.

После битвы те немногие Наги, что сумели избежать гибели в липких оковах торсионных нитей, в гниlostных объятиях городских магов, в ненасытной пасти черной имитации Дракона, обрели не только опыт, который невозможно переоценить, но и внеочередные понижения. Так Нестор в четвертый раз выпил бокал амриты и получил амарантовый пояс Нага Четвертого дна, а вместе с этим – весьма полезное умение неожиданно исчезать и так же неожиданно появляться в случае необходимости или по собственной прихоти.

И еще один важный навык проявлялся при получении такого высокого – или, в терминах Конторы, низкого – статуса: проникновение в Раджас Нестор мог теперь свершать также по собственному желанию. Он больше не нуждался в зове проводника, в специально назначенной точке входа. Именно поэтому Кир попросил Нестора переселиться со всей семьей, пусть и на время, в уютный домик в частном секторе пригорода по адресу: Кисельная, 8. Здесь Нестор, призванный по «важным змеиным делам», мог в любой момент воспользоваться удобной дорогой через муравьиный лаз у смородинового куста на маленьком придомовом участке.

Что Нестор и сделал сегодня, в конце июля, субботним вечером, как только успел вернуться с поминальной встречи с Наставником в пивной «Варяк». Нина все еще была у Ивана Несторовича и Софьи Николаевны, родителей Нестора, – завозила шестилетнего сына Антона на несколько гостевых дней к бабушке и дедушке. Антон такие поездки любил, поскольку здесь его баловали, а возвращался он всегда с ценными подарками: дед был антикваром, весьма известным в определенных кругах, в его квартире всегда царил изобилие всяческий занятых вещей, заворачивающие таинственных и бесспорно магических.

Родители самой Нины уже достаточно давно проживали за рубежом, куда уехали из убеждений, что «хорошо там, где нас нет». За такие бесхребетные убеждения Иван Несторович, человек цельный, последовательный, с принципами, пренебрежительно называл их «долларовыми перебежчиками» или даже – более сурово и обидно – «экономическими коллаборационистами». Но родители Нины не обижались – они знали Ивана Несторовича и Софью Николаевну только по фотографиям, поскольку не удосужились пересечь границу в обратном направлении даже для свадебных поздравлений дочери. Так что все упреки, нападки и порицания Несторова отца падали мимо их далеких, а потому глухих к подобным обвинениям ушей.

А вот Нине приходилось выслушивать много и часто. Вначале противостояние было напряженным и кровопролитным, но с годами у Нины выработался своего рода иммунитет: она вежливо возражала два-три раза на самом старте беседы, а потом отпускала справедливые излияния Ивана Несторовича в свободное течение и холостое низвержение с недостижимых принципиальных высот в не вмещающую пустоту.

Итак, Нина еще не вернулась и наверняка вернется еще не скоро – свекры (в основном, свекор, радовавшийся возможности поговорить и безнаказанно выпить) всегда отпускали невестку с неохотой. Так что разоблачился Нестор в прихожей и, – со словами «Наг всегда наг» – оставшись в природном неглиже, выглянул в щель приоткрытой двери на высоком крыльце: нет ли наблюдателей из числа окрестных соседей и случайных прохожих? Нет, только местная шавка из племени коротколапых семенила по своим собачьим делам.

В пригороде было три собачьих племени: длинноухих, лисьемордых и коротколапых. В каждом племени собаки походили одна на одну и имели соответствующие отличительные особенности: длинные уши, лисьи морды и короткие лапы. Это говорило о внутриплеменном генетическом родстве и работало транспондером «свой\чужой» при встрече песьих свор. Между племенами шла нескончаемая война за «хлебные» территории. «Хлебными» признавались те участки частного сектора, где проживали добрые двуногие, способные от щедрот угостить заискивающих дворняг. Участок дороги по улице Кисельной у дома номер восемь был признан самым бесперспективным на общесобачьем слете: двуногие здесь появлялись редко, кормили скупой, а потому эта зона по договору имела нейтральный статус. Тут можно было встретить представителей всех трех этнических групп. В данный момент мимо пробежал коротколапый абориген.

Ка-Це высунула мордочку в дверную щель вслед за хозяином. Нестор дал кошке легкий пинок, «волшебный пендель», и трехматная постоялица с негодующим «Мяу!» скользнула с крыльца на неубедительное подобие газона. Здесь кошка приосанилась и в доказательство того, что эта прогулка – исключительно ее, кошки, добровольная инициатива, принялась жевать сочные стебли июльской травы.

Нестор не любил перевоплощаться в дверях – по традиции он принимал змеиный облик уже у самого лаза. И потому просто исчезнуть он не мог: человеку – человеچه, Нагу – Нагово. Прикрывая ладонями пикантные подробности своей конституции, Нестор притворил (не на ключ) входную дверь и по возможности быстро проследовал к кусту смородины. Мудрые мольфары и не менее мудрый Лев Николаевич Толстой рекомендуют в целительных целях ходить по земле босиком. Наверное, совет дельный, если земля тщательно перекопана, крупные комья размельчены, а мелкие веточки, кусочки бог весть откуда взявшегося бетона да щепы дров, далеко рассеявшихся вокруг примангальной колоды, заботливо убраны. Иначе, исцеляя тело, поранишь ступни.

Добираясь до муравейника, Нестор успел почувствовать себя Русалочкой после колдовской операции. «Ладно, - подумал он. – Вернусь целехонек». И тут припустил дождь. Июльский, резвый. Вторая мысль: «Надо бы кошку в дом вернуть» быстро ретировалась - исколотые подошвы саднили. Нестор вздохнул и, оставляя Ка-Це на растерзание небесных струй (над крыльцом крыша - спрячется), истончился, нырнул в лаз муравейника и ртутным веретеном заструился в темноте знакомых лабиринтов, все ниже, глубже, дальше от иллюзорной Взвеси.

9.

Нестор решил сегодня уйти от стереотипов и вспомнить один из прежних своих трюков. Он кубарем выкатился из лаза, в несколько акробатических оборотов очутился у ног девушки и вмиг вырос перед ней «о двух ногах», лихо подбоченясь, как заправский герой североамериканских городских легенд – голый и ослепительно прекрасный. Все-таки тело Нага представляет своему владельцу ряд неоспоримых преимуществ: попробуй Нестор совершить такую блистательную серию сальто в человеческом обличье, он бы прибавил работы мануальному терапевту, а еще с большей долей вероятности – хирургу-травматологу.

Зоенька сияла.

- Мой герой! – воспела она почти без тени иронии. – Твой халат.

Халат был надет, и пояс лег на героические бедра. Нестор с удовольствием прильнул губами к послушным губам очаровательной змейки.

- Скучал! – наконец выдохнул он и для полноты образа выкрикнул в пустоту гулкого коридора:

- Шампанского!

Зоенька метнулась за стойку, в кладовое помещение, туда, где в винном шкафу всегда ожидали вновь прибывающих Нагов запотевшие бутылки с игристым напитком. Через несколько секунд она уже умело распечатывала пузатый сосуд. Из горлышка пошел дымок, два бокала стремительно наполнились пеной.

Вслед за Зоенькой из кастильянского закулисья осторожно выплыла незнакомая девушка с огненными волосами в таком же зеленом халате, как у каждого служащего Конторы. Девушка замерла в дверном проеме обманчиво робко, ибо лукавые ее глаза лучились прирожденным змеиным кокетством. Нестор все еще не сумел «нарастить броню», защищающую от таких взглядов. А стоило бы – «молодой и перспективный» Наг Четвертого дна пользовался у змеек Раджаса неимоверной популярностью. Тем более местный моральный кодекс откровенно поощрял романтические отношения между змейками из обслуживающего персонала и Нагами. Такие романы начальство «с самого Дна» признавало эффективным стимулом для повышения производительности труда. И, как показывал многовековой опыт, не без оснований.

- И как зовут чудесное создание, что вдруг возникло предо мной? – проговорил Нестор, сам понимая, как неуклюже прозвучала эта фраза.

- Майечка, - смущенно потупилась новенькая. – Младшая кастелянша, - и милая змейка присела в изящном книксене. Присела так, что оба розовых соска, выглянув из халата, также поздоровались с Нестором. Зоенька зашипела – вполне отчетливо и откровенно.

- Родились в мае? – зачем-то уточнил Нестор.

- Нет, имя греческого происхождения, - скромно поправила Майечка.

- Ах, да! – вспомнил Нестор мифологию. – В честь матери Гермеса, одной из дочерей Атланта?

Рыжеволосая девушка кокетливо кивнула, соглашаясь, и в глазах младшей кастелянши Нестор с удовольствием прочел неподдельное восхищение его незаурядной эрудицией. Зоенька презрительно повернулась к стойке спиной и залпом осушила свой бокал.

- Выпейте с нами, - предложил Нестор Майечке. Он знал, как воспримет это предложение Зоенька, и не было никакого желания преднамеренно ее провоцировать, но... Путь это будет проверка профессиональной стрессоустойчивости. На то она и эскорт.

В рядах змеек из обслуживающего персонала существовали свои, таинственные для любого Нага отношения. Были свои неписанные (а может быть, даже где-то и записанные?) правила поведения, работала определенная субординация, пусть и не такая жесткая, как разделение от Первого до Седьмого дна, но змейки внутреннюю иерархию чтили и придерживались ее неукоснительно. Нестор обратил внимание, как девушки обменялись взглядами всего на долю секунды, однако успели передать друг другу достаточно объемный массив информации. Настолько объемный, что Майечка мгновенно сменила кокетливый вызов на сухое почтение.

- Не сегодня, - отрезала она достаточно мягко, но при этом не оставляя надежд на дальнейшее развитие пикантной ситуации; во всяком случае – не сегодня. – Мне нужно подготовить пакеты: скоро прибывают четверо неофитов с Наставниками. Да и Вас уже ожидают. Наставник Кир недавно проследовал в свой кабинет.

Зоенька покровительственно улыбнулась младшей кастелянше: та свое место знала, переползая тропинку высокопоставленной коллеге из личного Нагова эскорта не стала, а значит, тест на лояльность прошла и в ближайшее время съедена не будет. Нестор тоже улыбнулся: Зоенькина ревностная опека льстила его самолюбию. Он поцеловал свою змейку в лобик, откинув каштановый локон. Жизнь продолжалась, жизнь требовала активных действий.

Нестор заспешил по коридору к кабинету Наставника. Он не оборачивался, но знал: Зоенька беззвучно следует в двух шагах за спиной. Не так давно Нестор понял, зачем у кабинетов в коридорах Раджаса расставлены по четыре в ряд стулья. Раньше он был уверен, что это – часть дизайна, обычное для Конторы подражание иллюзорному миру Взвеси. Какие могут быть посетители в Раджасе? Тут все происходит, как по нотам, - без томительных ожиданий, опозданий и нестыковок. Время здесь услужливо принаравливается к рабочему графику: встречи, собрания, корпоративы, - всему свое время, всему свой черед. Но если в твоём эскорте состоит милая змейка, то терпеливо ждать тебя ей придется именно на одном из таких стульев.

Кир, как обычно, ловил новости в экране монитора. Наверное, более точным был бы глагол «пас», а не «ловил». Ловля подразумевает суетливые напряженные движения в погоне за чем-то важным. Кир же, наблюдая новостной ряд, пребывал в состоянии пастуха, приглядывающего за стадом: все ли овцы белые, все ли на местах и не мелькнула ли где среди белых спин черная, а то и – нужно быть начеку! – серая спина волка.

Наставник величаво расположился в удобном кресле за рабочим столом. Полы его зеленого халата удерживал пояс пурпурного цвета. Такой пояс говорил не просто о том, что Наг уже достиг Пятого дна. Нет, в этом случае пояс был бы шарлаховый, цвета пламени, что было символично: именно огненное дыхание приобретали Наги на Пятом дне. Но пурпурный пояс говорил о большем. Кир как-то сравнил Пятое дно с интернатурой медиков. «Специализация. – говорил Кир. - Здесь Наг выбирает путь. Один из двух. Либо идет в силовые структуры, либо - в Наставники».

Пурпурный пояс Наставника говорил о том, какой именно путь выбрал Кир. И если «силовики» и дальше продолжали менять пояса в зависимости от дна – маренговый и цвета сурьмы соответственно на Шестом и на Седьмом – то к статусу наставника был привязан исключительно пурпурный, навечно или до самого развоплощения.

Не отрывая взгляда от монитора, Кир небрежным жестом пригласил подопечного садиться. Наконец, приглушив звук до минимума, Наставник широко повернулся в кресле к Нестору – всем своим могучим телом, всей своей радушной улыбкой.

10.

- По твою душу, - Кир сдвинул одну из бумаг на столе в сторону Нестора. – «Направление».

- С самого Дна? - Нестор почтительно взял «Направление», бережно расправил в руках, пробежал глазами.

Документ, как и все подобные документы, был переполнен деепричастными оборотами. Он источал величественную канцелярщину и являл шедевр созидательной бюрократии: «Целеполагая координирование двуединого воздействия... принимая во внимание волатильность остаточных флуктуаций... учитывая ситуативную щекотливость, чреватую пролификацией наличествующих угроз... всемерно содействующий Исполнитель... потребность во всеисчерпывающем инструктаже...»

- Все понятно, - подвел итог Нестор, возвращая «Направление». Однажды ему уже приходилось читать «Инструкцию», поступившую «с самого Дна», так что, пусть и не без труда, но все же он сумел перевести эти казенные заклинания на доступный разумению язык. – Исполнитель – я, ответственный за инструктаж – Вы. Приступим?

- Не здесь, - предупредил Кир. – Для таких серьезных мероприятий в Конторе имеется специально оборудованная аудитория. Не отставай.

Кир вырос над столом дородным монументом, свел поплотнее полы халата, чтобы не хвастать ни обстоятельным животом, ни другими, не менее обстоятельными, частями тела, затянул потуже пурпурный пояс и не торопясь проследовал мимо Нестора в коридор. В коридоре Кир снисходительно скользнул взглядом по почтительно вскочившей со стула Зоеньке. Он даже одарил змейку небрежным кивком и – может, показалось? – подмигнул ей. Нестор ощутил достаточно болезненный укол какого-то незабытого чувства.

Роль змеек в Раджасе была ведома каждому Нагу. Милые девушки не только выполняли всю рутинную работу, связанную с жизнедеятельностью Конторы. «Змейки для того и нужны, - веско говорил некогда Кир, - чтобы их женское безмятежное начало уравнивало наше агрессивное беспокойство». Флирт и более тесные взаимоотношения змеек и Нагов были не просто совершенно обычным делом в стенах Конторы – такие связи всячески приветствовались и самым откровенным образом поощрялись. Карьерный рост змейки был связан с количеством (напрямую) и с качеством (опосредованно) таких «служебных романов». Кир был одним из Нагов, Зоенька – одной из змеек. Не было сомнений, что они неоднократно пересекались «по рабочим вопросам». Нестор убеждал себя, что это правильно с точки зрения кодекса чести Раджаса, что это было задолго до того, как Зоенька перешла в его личный эскорт, но ничего не мог с собой поделать. Мелкособственнический рудимент ныл фантомной болью.

Аудитория для проведения инструктажей располагалась буквально в двух шагах от кабинета Наставника, сразу же за первым поворотом. Кир пропустил Нестора вперед, Зоеньке же преградил путь – решительно и корпулентно. Девушка не возражала – с профессиональным достоинством присела на один из стульев в коридоре и приготовилась ждать столько, сколько будет необходимо.

Аудитория представляла собой небольшой зал, где в три ряда стояли довольно удобные кресла – по четыре с центральным проходом. Перед креслами треного застыла пластиковая

доска с разноцветными маркерами на полочке. За креслами, в проходе, утвердился короб с проектором. На стене был развернут демонстрационный экран. Не загораживая экран, почти в углу стоял офисный стол. Окон в аудитории, как и в любом из помещений Конторы, не было.

- Присаживайся, - пригласил Кир, неопределенно поведя рукой в сторону кресел. Нестор занял место в первом ряду, возле прохода. Наставник величаво прошелся вдоль экрана, обнаружил, порывшись на полочке под доской, пульт от проектора и принял менторскую позу. Можно было начинать. И Кир начал с вопроса, ответ на который давно знал:

- Итак, ты учитель истории? – без свидетелей Кир обращался к своему подопечному на «ТЫ».

- Уже полгода, как завуч! – с шутливой гордостью поправил Нестор.

- Завуч – это административная должность, - поморщился Наставник. – Я говорил сейчас о специализации, о той области знаний, в которой ты работаешь.

- Да, - подтвердил Нестор. – Я учитель истории.

- Скажи, право в старших классах читает тоже учитель истории? – продолжал допрос Наставник.

- В большинстве случаев, - вновь подтвердил Нестор.

- Значит, тебе знаком принцип Квинтилиана? – допрос обретал признаки экзамена.

Нестор, который интересовался римским правом, хоть и не считал себя знатоком в этом вопросе, честно постарался вспомнить:

- Quis, quid, ubi...

- Quibus auxiliis, cur, quomodo, quando, - подхватил Кир, - что означает...

- Кого, что, где, каким средством, как, почему, когда, - перевел Нестор с латыни. – Но Квинтилиан не был правоведом.

- Конечно же, - согласился Кир. – Он был ритором и тонким педагогом. Мы вспомнили стандартный перечень вопросов, который используют не только в праве, но и в построении риторических фигур, - Кир был доволен уровнем эрудиции своего подопечного. – Вот так мы и построим наш инструктаж: в соответствии с принципом Квинтилиана.

Нестор ничего не имел против такого плана сегодняшней лекции.

- Свет, - сказал Кир в никуда, и свет в аудитории послушно начал меркнуть. – Слайд, - сообщил Кир, производя манипуляции с пультом проектора, и экран вспыхнул в полутьме.

Нестор невольно вскрикнул и вжался в кресло: через экран, разинув черную пасть, в маленький зал ворвался Деньгон.

- Битва у горы Меру. У горы, которую так же называют Мировым деревом, Осью Земли, камнем Алатырь и множеством иных имен, - беспристрастный голос Наставника наполнял темноту мерными толчками. – Большинство Нагов уже повержены. Надежды на спасение нет. Взвесь обречена. Перед нами решающий момент сражения. Наг Третьего дна Нестор, ныне – прославленный герой Раджаса – умело и своевременно использует мощнейшие боевые артефакты, полученные ранее из рук черно-белого Дракона Волха Семена Немировича.

- Салфетки, - против воли прошептал Нестор.

- Именно, салфетки, - констатировал Кир. – Слайд! – и на экране мерзкое чудовище замерло в нелепой позе, как будто стараясь укунить себя за хвост. - При помощи артефактов удается задержать и дезориентировать Деньгона на время, достаточное для того, чтобы свершилось неизбежное. Смертельный удар Деньгону наносит...

- Дракон Шеша, - одними губами произнес Нестор. Но Кир услышал и подхватил:

- Демиург демиургов, колыбель Вишну, Ананда, царь Нагов - у него тоже немало имен. Слайд! – на экране маленький мальчик невозмутимо застыл перед разинутой пастью чудовища; в протянутой к этой морде руке мальчик сжимал хвост дохлой кошки. - Вместе с поверженным Деньгоном в одно мгновение обратились в грязь легионы городских магов и несчетные рои торсионных вихрей вирусной информации. Битва была закончена. Так же, как закончен был

жизненный путь черно-белого Дракона Волха. – В темноте аудитории раздался странный звук, похожий на всхлип, и тут же Наставник приказал:

- Свет!

Нестор прищурился, привыкая к яркому свечению, наполнившему зал. Когда он смог открыть глаза, на столе уже мерцали янтарем две невесты откуда взявшиеся широкие коньячки.

- Помянем? – задал Кир риторический вопрос.

11.

Теперь Нестор стоял напротив Наставника. Коньяк пили маленькими глотками. «А говорил, что не любит летом коньяк», - почему-то подумал Нестор. Инструктаж продолжался.

Битва была выиграна, но противостояние не закончено. Извечное противостояние... «Кого?» - задал лектор первый вопрос из Квинтилиановой серии. Простой вопрос, на который Нестор быстро ответил: «Нагов против иерофантов». Но оказался не прав.

Раджас – активное начало миров Трилоки. Саттва - замышляет, Тамас - хранит, Раджас – действует, претворяя в жизнь замыслы Саттвы. Наги – бессменные и незаменимые агенты Раджаса. Они наделены полномочиями и для реализации этих полномочий обладают многими незаурядными способностями. Поскольку Саттва – это крона Мирового дерева, то все замыслы Саттвы по поводу многочисленных плодов-Взвесей светлы и гармоничны. Цель всегда одна: вырастить плод, наполнить его жизненной силой, уравновесить воздействия миров Трилоки на Взвесь таким образом, чтобы гарантировать каждому плоду наибольший срок пребывания на ветвях. В идеале срок жизни Взвеси приближается к бесконечности. Но только в идеале.

Внутри каждой Взвеси – и наша, к сожалению, не исключение – всегда есть силы, жаждущие растить плод по своим законам. Эти силы ведут наблюдение изнутри, а потому они не видят, не слышат, не чувствуют замыслов Саттвы. Их мотивы – личные, меркантильные, и эта исключительная эгоистичность мотивов застит восприимчивость к общим постановлениям гармонии Вселенной. Кормчие слепы. Они наблюдают за дисками Солнца и Луны через призму собственного ногтя и уверены, что этот самый ноготь большого пальца больше дисков Солнца и Луны. Это червяки, сидящие в яблоке Взвеси, жрущие ее плоть, отравляющие живые ткани собственными экскрементами и продуктами разложения, неизменно сопутствующими их деструктивной деятельности. Деятельности на личное благо, на гибель Взвеси.

- Речь, мой друг, идет не о злодеях, - говорил Кир, наблюдая, как изменяется площадь поверхностного натяжения коньяка при изменении положения коньячки в ладони. – У них нет злого умысла, они не маньяки, чье жизненное кредо: разрушать по спирали мир вокруг себя. Они обычные люди, убившие богов и укравшие бессмертие. И вот теперь они не знают, что со всем этим делать – с ответственностью и вечной жизнью. И пусть ответственность эта - нечета нашей, Наговой, и уж конечно, не идет в сравнение с Великой Ответственностью Драконов, вырастивших Мировое дерево, но груз этот велик и лег он не на те плечи. Они ведут себя... - Кир замялся, подыскивая верное выражение и вдруг сказал по-английски:

- Bull in a china shop.

- Бык в магазине?... – Нестор не смог точно перевести идиому.

- Бык в магазине фарфора, - помог Кир. – Это их выражение. Мы говорим: «Слон в посудной лавке». Вот так они себя и ведут. Каждый их громоздкий поворот, совершаемый с какой-нибудь ничтожной целью, - например, усесться поудобнее, - каждый такой маневр рвет ткань Вселенной, бьет хрупкие взаимосвязи и рушит гармонию Вселенной.

- Неужели создание имитации Дракона, того чудовища, что сгубило семьдесят процентов личного состава Конторы, - это всего лишь неуклюжий поворот чьей-то толстой, эгоистичной задницы? – удивился Нестор, и прозвучало это удивление достаточно резко.

- Они не создавали Деньгона! – Кир ответил раздраженно, что было странным для Наставника, но быстро собрался и пояснил уже в привычной ровной манере:

- Они создали универсальный эквивалент. Кстати, это весьма разумное изобретение. Разумное и полезное, причем настолько, что могло бы быть нашим подарком этой Взвеси. Может, так оно и было давным-давно – я же не всеведущ. Но сегодня сама суть универсального эквивалента вывернута наизнанку. Ведь ценность любого ресурса определяет степень его ограниченности.

Заметив, что формула не нашла себе путь в сознание единственного слушателя, Кир решил пояснить подробнее.

Любой ресурс, которому определена в бартере роль посредника, должен быть ограничен по объему пропорционально всем другим товарам, участвующим в цепи обмена. Если портные выкроили много рубах, а хлеборобы вырастили мало хлеба, то рубах при обмене понадобится больше, чем хлебных буханок. Если же между рубахой и буханкой в цепи обмена установить, скажем, зубочистки...

- Спички! – Нестор не смог сдержать возглас.

- Прости? – прервал урок Кир.

- КЦ, спички. В «Кин-дза-дза!» именно их использовали в качестве универсального эквивалента, - пояснил Нестор и зачем-то добавил:

- Нашу кошку так зовут – Ка-Цэ.

Наставник подозрительно посмотрел на Нестора и спросил:

- Кошку? При чем здесь кошка?

- Ни при чем, - не стал спорить Нестор. – Кошка в цепи обмена не участвует.

- Ну, это как посмотреть... - Наставник на секунду задумался. – Мы с Ларисой приедем к вам на днях. Хочу на вашу Ка-Цэ лично посмотреть. А то уже не в первый раз слышу... Но пример верный, иллюстративный. На Плюке КЦ, спички, имели ценность до тех пор, пока находились в трудном доступе. Как только дядя Вова и Скрипач стали производить расчет за реальные товары – горячее, еду, воду – только обещаниями спичек в будущем, вспомни, как выросли цены.

- «Господин Би, у меня пятьдесят рублей, спички стоят две копейки коробка, значит я могу купить две с половиной тысячи», - вспомнил Нестор.

- Самую высокую ценность, - продолжил Кир, - имеет невосполнимый ресурс. Ниже цена у ресурса восполняемого. Ценность же ресурса бесконечно восполняемого равна нулю.

- Бумажные деньги, - кивнул с пониманием Нестор.

- Бумага имеет цену, - возразил Наставник. – Речь идет о виртуальном эквиваленте всего и вся, который – опять-таки, по сути – всего лишь цифры в информационной сети. И при помощи этих цифр у создателей этих цифр есть возможность приобретать любой без исключения ресурс в цепи обмена – и восполняемый, и невосполнимый. Пустые цифры, ничто, поглощающее материальный мир вокруг, по существу своему представляют что? - поставил Кир второй Квинтилиановый вопрос.

- Вирус? – ответил Нестор почти наугад и в этот раз попал в точку.

- Вирус, - удовлетворенно вздохнул Кир и присел на краешек стола. Стол жалобно застонал. – Информационный вирус. Извращенная форма универсального эквивалента. Именно его и создали иерофанты. А Деньгон – лишь следствие, ментальная проекция иллюзорной акциденции в реальном мире Небытия. Спонтанно возникающая ментальная проекция этого самого универсального эквивалента в этой самой извращенной – по сути – форме. Форме информационного вируса.

12.

- И что такое вирус? – Кир освежил содержимое коньячек, достав из кармана зеленого халата плоскую фляжку. – Болезнь. Пусть эпидемическая, но всего лишь болезнь. А любая болезнь излечима. – Собеседники сдвинули бокалы и, так вышло, выпили «За исцеление!». – У

нас, у Нагов, к этой гадости, сам понимаешь, иммунитет. – Кир явно имел в виду не коньяк. – А вот простых людей жалко. Оберегая жизнестойкость этой Взвеси, мы, в первую очередь, оберегаем ее обитателей – обычных людей. Такова наша дхарма, как сказал бы возница Арджуны Гудакешы. Свет! – приказал Кир.

Свет в аудитории снова померк. На экране один за одним стали сменять друг друга кадры, иллюстрирующие слова Кира, которые тот бросал в зал. На фотографиях были запечатлены люди – работающие, веселящиеся, дерущиеся, воюющие, любящие, пьющие, болеющие – и вновь по кругу. Наставник при этом коротко расхаживал в проходе – от проектора к экрану и назад, отчего его тень то расплзалась жутковатым пятном, почти скрывая изображение, то возвращалась в человеческие размеры и становилась как бы дополнительным контуром на какой-нибудь из фотографий.

- А обычные люди, – вещал Наставник в такт шагам, – маленькие обычные люди запутались. Они подвержены страхам, обременены страстями, их атакуют недуги. И обычные люди не имеют сил со всем этим совладать. Они лишены этих сил. Их и теперь лишают здоровых плодотворных творческих сил – везде и всюду, куда дотягивается меркантильный гений иерофантов. Догматы веры, границы государств, власть капитала, – все это бездонные колодцы, куда утекает живая мощь человечества. А поскольку человечество – составляющая часть общей гармонии, то и Вселенная терпит от такого «кровопускания» значительный урон. Свет!

Свет вспыхнул. Мелькание кадров прекратилось. Выпили. Кир снова вздохнул и продолжил:

- И потому обычные люди радуются своим человеческим радостям, любят своей человеческой любовью, болеют своими человеческими болезнями и живут своими человеческими мыслями. Именно эти мысли подминает под себя зловерное влияние вируса. И потому люди не хотят, но идут на баррикады; не хотят, но кричат на площадях; не хотят, но роют окопы, стреляют друг в друга и взрывают пояса самоубийц.

- Да уж, такой мрак идет с Востока, – заметил Нестор понимающе.

- Все, что идет с Востока, – резко отреагировал Наставник, – где? – так прозвучал третий вопрос из плана сегодняшнего инструктажа. При этом Наставник хлопнул себя свободной ладонью по лбу и сам же себе ответил:

- Весь этот, как ты говоришь, мрак – в головах. Причем во всех головах. Одни ослеплены яростью, что кто-то смеет грубо, нетактично, наотмашь врываться в их суверенный мир. Мир непонятный для человека Запада, а потому пугающий.

- Но разрушенные варварами памятники культуры... – напомнил Нестор.

- Чьей культуры? – резонно спросил Кир. – И кто такие варвары? Это греческое слово обозначает любого не-грека, каким бы цивилизованным тот ни был. Любой, кто не говорит по-гречески – варвар; любой, кто не говорит по-славянски – немец; любой, кто пасет скот или носит бороду – татарин, и от него нужно отгородиться Великой Китайской стеной. Противостояние культур – явление естественное и неизбежное, но вот повсеместно культивируют это противостояние уже искусственным путем. И вполне ожидаемо наступает точка кипения: в момент отчаянного напряжения под фанатично взнесенными кувалдами начинает крошиться камень памятников. А любой фанатик – от футбольного до религиозного – существо подневольное, универсальный продукт социальной инженерии. Повторю: мрак – в головах. – И Кир снова хлопнул себя по лбу свободной ладонью. – Помнишь, что говорил Федор Иванович красноармейцу Петрухе?

- «Восток – дело тонкое», – именно эту цитату, без сомнения, желал услышать Наставник.

- Восток – дело тонкое, – согласился Кир. – Без этих тонкостей мир Востока превращается в корявую, схематичную карикатуру. И человек Запада спешит «умелой рукой мастера» выправить все, что ему, западному мастеру, мнится нелепым и чуждым. Непонимание рождает страх. И страх этот ослепляет. В одних кипит ярость, в других – страх. Ярость, вызванная

страхом. Страх, вызванный яростью. С Востока мрак идет на Запад, с Запада мрак идет на Восток. Взаимное наложение мраков. Пиршество тьмы. И в этой крошечной тьме люди перестают видеть звезды. Вернее, они начинают искать звезды совсем не там, где звездам полагается быть. А ведь это принципиальный, я бы сказал, счастьеобразующий момент: где ты ищешь свои звезды? Искать звезды нужно на небе, высоко задрев гордый подбородок, запрокинув светлую любознательную голову. Но головы тяжелы, они наполнены мраком, и потому обычные люди ищут свои звезды в чужих кошельках. И – что особенно печально – находят. Маленькие звездочки на чужом флаге над головами чужих президентов.

Кир остановился, чтобы перевести дыхание и сделать новый глоток.

- Излечить вирус несложно – продолжил он, подводя к четвертому вопросу Квинтилиановой серии. – И, подскажи мне, каким средством?

- Нужно просто найти антивирус. – Нестор сам старался вести уроки-лекции, прибегая, по возможности, к таким вопросам – простеньким, но включающим слушателя в процесс. Умные ученые в Европе подробно описали этот педагогический инструментарий, систематизировали его. Какими только именами не нарекали в бесполезной методической литературе это простое педагогическое действо: эвристическая беседа, креативная педагогика, интерактивное изложение материала, «ситуация успеха»... Но хороший учитель интуитивно, не зная названий, классификаций и систем, пользуясь, по большей мере, тонким профессиональным и человеческим чутьем, порой достигает таких высот, которые и представить себе не могут мудрые ученые-систематизаторы.

- Просто найти антивирус! Точно так! – подхватил Кир. – Вот только не так все просто. Есть одна сложность непреодолимого характера. Мы занимались этим не одно тысячелетие. Но всякий раз, когда специалистам Седьмого дна удавалось найти действенное средство, оно через какое-то время обращалось в собственную противоположность. Антивирус обретал свойства вируса, с которым боролся, и против него нужно было искать новое противодействие. Уроборос на брелоке твоих ключей от мотоцикла любит такие игры – изогнуться и цапнуть себя за хвост.

- Значит история Вэвеси знает случаи, когда изобретения Раджаса, призванные оберегать Вэвесь, оказывали обратный эффект? Например? – Нестор проявил профессиональный интерес.

- Да тот же универсальный эквивалент! – напомнил Кир. – Или психоанализ. Или институт по изучению общественного мнения. Или музей современного искусства со всеми его филиалами.

Нестор потребовал объяснений, но Кир только устало отмахнулся:

- Невнимательный ты слушатель. О чем-то мы с тобой уже говорили давным-давно, о чем-то еще успеем поговорить. Главное: постарайся понять масштаб сегодняшней проблемы.

Нестор всем видом своим показал, что он будет всячески стараться и прилагать все усилия к осознанию любых масштабов.

- Если отбросить всю лирику, оставить только сущностный каркас мирового порядка, мы увидим: причина любых конфликтов внутри народов, стран, религиозных конфессий или между народами, странами, религиозными конфессиями лишь в противостоянии доктрин.

- Говорили уже, – подтвердил Нестор. – Когда проводили индоктринацию Юджина Гуляйкоффа.

- И еще будем говорить неоднократно, – кивнул Кир. – Естественная доктрина Вселенского порядка – как река, текущая по склонам гор с заснеженных вершин. Ее воды играют светом Саттва, она наполняет долины влагой, питает все живое, ее течение уносит все отжившее в океан Тамаса. Так было, но такой порядок устраивал не всех. Начали строить новый. Вырыли каналы, разбили мощный поток на податливые, заключенные в мертвый бетон ручьи, отвели течение в сторону, а может даже – повернули его вспять. Это трудно понять, но постарайся:

новая, искусственно созданная доктрина противостоит естественной, но использует инерционную силу ее течения.

Кир взял с полочки синий маркер и быстро набросал на белом поле треногой доски реку и каналы. А также несколько стрелок, показывающих, как течение реки стремиться меж берегов с горных вершин к океану, потом меняет направление в каналах, замедляет ход, но продолжает неумолимо нести воды по инерции меж бетонных берегов.

13.

- А мы стоим на берегу этого течения, - тут Кир быстро нарисовал фигурку: «Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек». – Со всеми нашими антивирусами стоим, как крестьянин с глотком молока на дне чашки.

- Крестьянин? – переспросил Нестор.

- Это история из славянского фольклора. – Кир положил на место синий маркер и снова взял коньячку. – То ли сербская притча, то ли хорватская. О том, как очень бедный крестьянин обнаружил однажды, что на завтрак у него остался только один глоток молока на дне глиняной чашки. Он понял, что не сможет напиться одним глотком и решил развести его водой из речки. Он спустился на берег и окунул чашку в поток. Течение начисто вымыло сосуд в его руках. Бедному крестьянину только и оставалось, что пожурить быстро бегущие мимо воды: «Эх, река-река, что ж ты наделала? И сама не побелела, и меня опечалила».

- Грустная история, - понурился Нестор.

- Куда уж грустнее, - согласился Кир. – Вот так и мы со всеми нашими информационно-социальными антивирусами: стоим на берегу реки и норючим эту реку обелить одним глотком молока. Вернее, не реку даже, а те хлорированные ручейки, загнанные в пластик аквапарковых труб, которые нынче величают потоком мирового порядка. Зато история о бедном крестьянине удачно иллюстрирует наш следующий вопрос – как? Как вновь превратить хлорированные реки в молочные и вернуть их из бетонных берегов в кисельные.

Нестор не любил ни молоко, ни кисель, да и бетон он считал намного более прочным и практичным материалом, чем затянутый крахмалом ягодный морс. Но все сказанное Наставником – метафора. Все эти аквапарки, реки, чашки с молоком, кисельные берега... Нестор вспомнил, как пытался ответить на вопрос Антона о спичках. Перед Наставником стояла та же задача: разложить некий глобальный, универсальный макрос на более простой, доступный пониманию Нага Четвертого дна синтаксис. И с этой задачей Кир справился. Или почти справился.

- Другими словами, - решил все-таки уточнить Нестор, - перед нами стоит вопрос, как вернуть все на круги своя?

- Как разобрать нагромождение искусственных законов, - подтвердил Наставник, - образующих господствующую ныне доктрину, расчистив тем самым путь естественному ходу вещей, утвердив действие единого закона – естественного и непреложного. Переформатирование Взвеси. Перезагрузка в новом формате. Только так мы сможем победить вирус.

- Победа у Белого Ясеня была не окончательной? – вздохнул Нестор.

- Мы не дали тогда восторжествовать эпидемии, замедлили ее стремительное развитие. Но вирус не побежден. Дальнейшие наши действия можно разбить на два условных этапа: перекрыть источник вирусной информации, то есть устранить возможность нового заражения, и только затем приступить к излечению тех, кто уже болен. Нам предстоит большая уборка, мой друг, и тебе в ней отведена роль главного ассенизатора.

- Но почему мне? – удивился Нестор.

- Вот ты сам и сформулировал предпоследний на сегодня вопрос – почему?

- Сформулируйте ответ, - нетерпеливо предложил Нестор.

- Охотно, - улыбнулся Кир. – Именно ты положил начало второму этапу нашей миссии. На первом этапе мы собираемся перевернуть мир с головы на ноги. Ты же девять месяцев назад инициировал будущего социолога, подтолкнул его к открытию, которое позволит вернуть людям нормальное зрение. Мы вернем миру, так сказать, исходное положение. Вот только восприниматься оно будет искаженным зрением масс как массараکش.

- Мир наизнанку, – перевел Нестор с языка аборигенов планеты Саракш. Затем не то спросил, не то утвердил:

- Брендденг? О нем Вы говорите?

- Да. Именно так он работает. Будет работать. Его задача – устранить ложный концептуальный фокус зрения и настроить истинный.

- «И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных», - процитировал Нестор строки Псалтыря и усилил эффект церковно-славянским переводом:

- Темна вода во облацех воздушных.

- Потом разберешься, - Кир широко повел бокалом. - Будет еще время. А вот сегодня времени уже почти не осталось. А тебя еще Зоенька за дверью ждет. Так что поспешим ответить на последний вопрос: когда?

- Когда? – эхом откликнулся Нестор.

- Завтра, - быстро ответил Кир. - В воскресенье. В четырнадцать ноль-ноль. В «Доме Диониса», в баре на втором этаже. Просто приходи, заказывай бокал вина, сиди и жди. Агент Саттва сама подойдет к тебе. А моя прямая обязанность - предупредить об особенностях взаимодействия... - Кир замялся, собираясь с мыслями.

- Дело в том, - наконец начал он, - что примеров подобного взаимодействия в истории нашей конторы всего два – как-нибудь расскажу потом. Так что опыта особого, сам понимаешь, нет. Обитатели мира Саттва не являются живыми существами, в нашем понимании.

- Мне придется «взаимодействовать» с духом святым? - Нестор поднял бровь – удивленно и вопрошающе. – Никогда не замечал за собой способностей медиума.

Наставник как-то беспомощно поежился и продолжил:

- Нет, общаться ты будешь с живыми людьми. Как я уже говорил – с обычным, знакомыми тебе женщинами.

- Почему женщинами? – вновь удивился Нестор.

- Не перебивай, - Кир в объяснениях своих вторгся в царство неопределенности, а потому был слегка раздражен. – Мы, Наги, в моменты перевоплощения актуализируем в себе гуну Раджас, становясь в змеином облике «чистым действием». И это «чистое действие», выполняя распоряжения Конторы, мы используем для реализации замыслов Саттва. Но что делать «чистому замыслу»? Он не может быть материализован по самой своей сути: материализовавшись, он перестает быть замыслом. Поэтому агенты Саттва поступают иначе: они актуализируют гуну Саттва в человеке. В любом человеке. Просто женщины восприимчивее, уступчивее.

- Я бы поспорил, - усмехнулся Нестор.

- Не в быту, - Кир, наконец, тоже улыбнулся. – Но сама природа повелела женщине находиться в поисках формы – самой лучшей, оптимальной, самой эффективной формы для выполнения главной миссии – продолжения рода. Мужчина же и есть эта самая форма. Вот, посмотри, - Кир поднял коньячку на уровень глаз, отчего жидкость внутри плеснула янтарной волной. - Стенки бокала – это мужчина. Коньяк – это женщина. Мужчина - сосуд, женщина – жидкость.

14.

- И потому гуну Саттва проще актуализировать именно в женской душе. Мужчина будет отчаянно сопротивляться вторжению извне, он будет до последнего защищать, отстаивать собственную форму – так ему велит природа. Женщина же мгновенно, не задумываясь, произве-

дет сравнение, и любая форма, уже принятая ею, не выдержит этого сравнения – гуна Саттва идеальна, это высшая из всех возможных форм. Так что проблемы выбора, внутреннего сопротивления – не будет. Объективно худшее, второсортное, уступит место объективно лучшему. Поэтому на определенное – но всегда небольшое – время женщина отчасти как бы перестанет быть самой собой, она станет тем самым агентом Саттва. Вернее, она будет оставаться собой, но в ее душе произойдут существенные изменения: доминирующей в ее поступках, мыслях, словах станет именно гуна мира Саттва. – Кир с видимым усилием пытался выбраться из сыпучей воронки, которую сам же и сотворил.

Нестор очень хорошо понимал такое положение Наставника как лектора, потому что сам оказывался в подобных ситуациях на собственных уроках истории. Иногда скачки в программном материале образовывали лакуны, и тогда настоящим мучением становилось изложить новый материал без опоры на предыдущее активное знание. Приходилось использовать «полулегальные» познавательные приемы: допущение, угадывание, умозрительное построение.

Нестор на физическом уровне ощутил, как и его опутали сети Кировых объяснений. Он потерял виски, потом взял со стола бокал, пригубил – помогло. Семантическое небо не прояснилось – Нестор лишь твердо принял решение «не смотреть за тучи», оставить все абстрактные материи на потом и заняться конкретикой.

- Как это будет выглядеть на деле? – собранно поинтересовался он.

- Ты будешь говорить со знакомым тебе человеком, - так же сухо и деловито ответил Наставник. - Сегодня твоей собеседницей будет одна, завтра – другая. Я не знаю – кто. Не мой уровень допуска. Но в беседе будут участвовать не они, вернее – не только они. Там всегда будет присутствовать проявление мира Саттва. Именно ей (или ему, в твоей терминологии – «духу святому») ты будешь задавать вопросы, из того же источника - получать ответы. И еще тебе дадут указания к действию. Агент Саттва – замысел, а ты, как сказано в «Направлении», исполнитель. Инструктаж окончен.

Нестор как-то глухо вздохнул. Мысли были серыми, мутными, неопрятными. Было очень тяжело сконцентрироваться. Сейчас бы глоток свежего воздуха. Только где ж его взять в лабиринтах Конторы? Он поставил пустую коньячку на стол и уже был готов идти.

- Погоди, - остановил Кир. – Распишись за инвентарь.

- Инвентарь? – рассеянно спросил Нестор.

- Служебный инвентарь. Устройства особого назначения, - Кир проследовал по проходу между стульями к деревянному коробу, на котором был установлен проектор. В коробе, как оказалось, имел место внутренний ящик. Из этого ящика Наставник извлек два вышеперечисленных «устройства особого назначения» и папку с инвентаризационным списком.

Одно из приспособлений уже было знакомо Нестору – по виду металлический продолговатый предмет, от которого явственно исходила угроза, - оружие в специальном чехле. Это был Наговый аннигилятор – сокращенно Наг-анн в нагалище. Второй, незнакомый, артефакт, на первый взгляд, казался обычными наручными часами на эластичном кольцевом ремешке.

Кир подал на подпись инвентаризационный список. Нестор послушно расписался. В графе «Кол-во штук» напротив каждого наименования были нарисованы аккуратные маленькие единички. Наименований было три: артефакт «PIN-DOS» расширенного действия (Нестор вспомнил слова Наставника: «Считай, что сдал в арсенал и снова получил для оперативного владения. Под роспись!»). Вспомнили и включили в список. Бюрократы), Наг-анн и...

- Селфиметр? – прочитал вслух Нестор.

- Название рабочее, но суть отображает точно, - кивнул Кир. – Это прототип. – И, видя, что слово «прототип» не произвело на слушателя должного эффекта, пояснил еще раз:

- Опытный образец. Изготовлен пока в единственном экземпляре. Проходил только стендовые испытания. Тебе предстоит провести полевые. Учитывая сложность и ответственность твоего задания, я бы даже назвал эти испытания краш-тестом.

- И что он может? – Нестор осторожно повертел «часы» в руке. Часы как часы, циферблат не круглый, со стрелками, а прямоугольный обычное электронное табло. Сейчас, видимо, «часы» не были включены, потому что экранчик темнел матово серым.

- Селфиметр отображает количество селфи в человеке, – невинно пояснил Наставник.

- Чего? – вырвалось у Нестора. – Количество селфи?

- Именно! – радостно подтвердил Наставник.

- В смысле? Сколько человек успел сделать собственных фотографий за свою жизнь?

- Нет, – Кир как будто был раздосадован такой откровенной непонятливостью своего ученика. – Я же сказал «в человеке», а не «у человека». Неужели, разница не очевидна?

- Нет, – честно признался Нестор.

Кир вздохнул и постарался коротко изложить функционал этого занятного устройства.

Долгие века специалисты Седьмого дна пребывают в поиске такого средства, которое будет способно к превентивному поиску потенциальных Нагов. До сих пор это не представляется возможным: Наставникам удастся обнаружить будущих неофитов лишь за короткий промежуток времени до момента инициации. По статистике Конторы всего десять-пятнадцать процентов потенциальных кандидатов все-таки становятся агентами Раджаса. Остальные «перегорают», упускают важное мгновение жизни, когда изнутри пробуждается могучая сила, которая сметает шелуху будней и дарит такое редкое умение «видеть душой». Как только не называют это пробуждение ото сна иллюзорного мира Бытия в явь реального мира Небытия: прозрением, интуицией, просветлением или даже точкой встречи нагваля с тоналем. Вот только чаще всего это ясное окно в облачном покрове быстро затягивается пеленой обыденности. Человек навсегда теряет возможность стать Нагом.

Итак, до сей поры так и не научились с большой долей вероятности предсказывать открытие такого «окна» - великая научно-магическая мощь Раджаса пока не помогла выбраться из этого тупика. Но в поиске путей к главной цели было совершено немало побочных открытий, которые так или иначе связаны с основным принципом перевоплощения – со способностью «видеть душой».

Специалисты Седьмого дна выяснили, что потенция такой возможности в большей мере присуща тем людям, которые склонны к истинной самореализации. Другими словами, способность «видеть душой» может быть раскрыта только в бескорыстных людях созидającego труда. Любая попытка симулированной реализации снижает такую вероятность.

- Что такое «симулированная реализация»? – решил уточнить Нестор. – Как ее отличить от истинной?

- А тебе и не нужно. Для того и дан тебе прибор, – успокоил Кир. – Срабатывает автоматически, в самом начале разговора. Шкала от нуля до ста. Если селфометр говорит «пятьдесят и ниже» - надежда на то, что перед тобой будущий Наг, есть. Если – «пятьдесят и выше», то надежды нет. Все просто.

15.

- Пятьдесят? – переспросил Нестор.

- Пограничный показатель, – кивнул Кир. – Распутный камень. Лезвие бритвы. Читал?

- Ефремова? Несколько раз. Правда, давно.

- Вот оно и есть – показатель пятьдесят. Настоящее лезвие. Гильотина. Отсекает Наговый хвост напрочь. Не пришьешь больше.

- Не понимаю. Каюсь – туп. Селфи в человеке... Ерунда какая-то! Речь об эгоизме? – попытался угадать Нестор.

- Нисколько! – категорически возразил Наставник. – Можно быть отъявленным эгоистом с показателем ноль селфи. Вот представь себе парнишку, который еще в школе почувствовал в себе задатки лидера. Он искренне верит, что может изменить мир к лучшему, а мир его за это отблагодарит: выдаст Нобелевскую премию, возложит лавровый венок на непокорные кудри и воздвигнет в его честь монумент до самых облаков. Эгоистично? Без сомнения. Прибор срабатывает? Нет. Кстати, экран остается серым как при полном отсутствии селфи в человеке, так и в том случае, если человек переполнен им. И вот парнишка начинает путь к своей эгоистической мечте. Заметь: он идет к собственной славе через общее благо, через счастье для всех. И путь этот лежит через социальную реализацию, а стало быть, через повышение индекса ССС. Потом! – Наставник заметил вопрос в глазах слушателя и пообещал вернуться к этой теме в следующий раз. Затем продолжил:

- Парень участвует в днях школьного самоуправления, становится президентом какого-нибудь юношеского клуба: спортивного или интеллектуального - не важно. Его привлекают для выступлений на молодежных форумах, берут «под крыло». Он заканчивает нужный вуз, и вот он уже член партийной ячейки, надежда и опора руководящих боссов. Он пишет правильные статьи, стоит за спиной партийного лидера во время телевизионных интервью, работает волонтером. Он начинает видеть мир именно таким, каким его приучили видеть этот мир. Юноша знает, что нужно делать, чтобы его похвалили, и знает, чего делать нельзя, чтобы его не ругали. Конформизм становится частью его естества. Индекс ССС растет, а вместе с ним и индекс селфи. Человек принимает стандарты как абсолютный авторитет. Активное воздействие социальной среды лишает личность ответственности: любые поступки, мысли, чувства, отличные от стандарта, делают пребывание человека в обществе менее комфортным и значит – отдаляют от мечты. А потому их нужно всячески избегать...

- Шагать в ногу плохо? – Нестор старался не упустить нить рассуждений.

- Ну, вот опять мимо. Нет, это не значит, что любой конформизм ведет к деструкции, но совершенно определенно любая личностная деструкция всегда ведет к конформизму.

- Сложно. А если парень не участвует в школьных днях самоуправления, а тихо покуривает в соседнем детском садике? Или, ковыряя в носу, сидит в социальной сети и троллит того одноклассника, который пытается-таки кем-то стать? Или просто скользкой медузой бездумно пилится в экран?

- То он тоже прытко набирает бонусные очки селфи, - почти радостно объявил Наставник, - поскольку такое бездействие деструктивно по определению.

- Я сам порой часами просиживаю у монитора, - расстроился Нестор.

- Ты учитель, - Кир резанул бокалом воздух, отчего по столу пробежала серия маленьких коньячных лужиц. - Человек, созидаящий будущее. После сорока пяти минут урока тебе по несколько часов дыры латать. Так что сиди себе у монитора, сколько хочешь – только на пользу.

- Все равно, как-то мрачно у Вас получается: любой путь ведет в никуда? – Нестор был озадачен.

- Помнишь сказочный распутный камень? Направо, налево, прямо пойдешь – не важно, потому как любой путь ведет к потере. И знаешь, где спасение?

- Где? – искренне заинтересовался Нестор.

- На середине дороги. Это тонкое искусство – накопить опыт, но при этом не утратить идеалистической доброй наивности; уловить тот момент, когда твоя эгоистичная лесенка к мечте во благо всего человечества уже достаточно приблизилась к звездам, но еще не оперлась на другие, уже отстроенные из красного мрамора лестницы, ведущие в сырые подвалы.

- Не могу! – Нестор устал. – Не хочу больше. Избавьте. Вы сказали, прибор будет работать без моего участия?

- Именно так! – подтвердил Кир. – Возникнут вопросы – просто позвони.

- Вот и ладненько, - облегченно вздохнул Нестор. – Инструктаж окончен? Бумаги подписаны? Тогда я пойду.

- погоди, - Кир загадочно улыбнулся. – Твоя Нина уже на пути домой. Но минут сорок у тебя еще есть. Думаю, твою сотрудницу стоит премировать за прилежное поведение и терпеливое ожидание. Дверь в аудиторию можно запереть изнутри. Хотя – это лишнее: ближайший час по расписанию еще мой. Так что теперь твоя очередь проводить инструктаж. – Кир пожал руку, прощаясь, и вышел в коридор, оставив на столе «устройства особого назначения», забрав папку с инвентаризационным листом.

Зоенька, поспешно вскочив, почтительно пропустила в дверях пурпурного Нага и осторожно, почти крадучись, вошла в аудиторию. Карманы ее зеленого халатика загадочно оттопыривались, а взгляд ее был прикован к Наг-анну и селфиметру.

- Знаешь, что это? – испытующе спросил Нестор.

- Догадываюсь, - пожала плечиками Зоенька. – Это Наг-анн?

- Наг-анн, - кивнул Нестор. – Знаешь, на что он способен?

Зоенька прикрыла веки и продекламировала, как будто перед ее глазами развернули соответствующую страницу инструкции:

- «Индивидуальный прибор целевого воздействия. Временно перестраивает сингулярность, устраняя из ее контекста выбранную органическую цель. Период восстановления каузальности детерминирован объемом заданной цели».

Нестор теперь смотрел на Зоеньку с уважением и некоторым испугом. Девушка поморщила носик в попытке сделать «умное» лицо, не смогла и весело рассмеялась.

- Нас же готовят. Все змейки – дипломированные специалисты широкого офисного профиля. Так что мы тоже учим матчасть. Шампанское будешь? Принесла, пока Кир тебя мучал.

Вот что оттопыривало карманы халата – темная пузатая бутылка и два тонких бокала. Когда Зоенька извлекала все это, узел пояса ослаб, распался, концы бессильно повисли вдоль бедер. Зоенька лукаво взглянула на своего Нага, быстро, одним движением скинула халат к ногам и предстала во всем великолепии - нага и желанна. Нестор вздохнул и махнул рукой – наливай!

16.

Перед лазом Нестор скинул халат и, перевоплотившись, первым делом просунул хвост в нагалище, а затем в эластичный ремень селфиметра. Ни один материальный артефакт нельзя было ни внести в Раджас, ни вынести из него. Именно поэтому перед проникновением в лаз Наг вынужден раздеваться до нага, что фольклор Раджаса (а есть и такой) отобразил в лаконичной поговорке «Наг всегда наг». Приборы, разработанные специалистами Седьмого дна, в иллюзорном мире Взвеси прекращали материальное существование, но продолжали служить владельцу-человеку, будучи «спаяны» с его Наговым естеством. А потому надевать их нужно было именно так: крепления были предназначены не для человеческой руки, а для змеиного хвоста.

Наг в состоянии перевоплощения преисполнен энергией и силой. Упругие кольца змеиного тела требуют действия, и Нестор, как правило, передвигался по лабиринтам муравейника легкими и ловкими рывками – из Взвеси в Раджас, из Раджаса – во Взвесь. Но сегодня он полз лениво и грустно. И хоть путь этот не имеет объективной временной протяженности – он длинной в одну Нагову мысль, - но сегодня мысль была долгой и липкой.

Нестор хорошо помнил, как будучи ребенком, частенько наведывался с товарищами-сорванцами на садовые участки за забором радиостанции. Вокруг высокой радиовышки на окраине города было несколько гектаров земли – ее возделывали сотрудники объекта. Там росли плодовые деревья, клубника, малина, крыжовник и кусты разноцветной смородины. Чтобы добраться до этих сокровищ, нужно было преодолеть высокий каменный забор, белен-

ный известью. Дети даже не подозревали, как рисковали: режимный объект охраняли вохровцы с карабинами. По детям они, конечно, стрелять бы не стали, но кто там в сумерках разглядит? Да и сам забор был препятствием непростым: над ним вилась колючая проволока. Но и этого было мало: по верхней кромке, под проволокой, забор был украшен битым стеклом, посаженным на густой коричневый мазут. Дети резали руки, рвали шорты, измазывались в мазуте, убегали от охранников и вредных псин, и все для того, чтобы мамы могли сварить компот из килограмма-другого мятых ворованных ягод. Мамы нравовали детей – воровать нельзя, стирали измазанные тряпки мальчуковых летних одежонок, переживали и даже плакали, но все равно варили компоты.

Вот такой липкой, как этот мазут из детства, была теперешняя Несторова мысль. И была она – мысль – о сосудах и жидкостях, о форме и содержании.

Наставник говорил, что мужчина – это форма, в перманентных поисках которой пребывает текучая, изменчивая женская натура. Найдя сосуд, достойный такой великолепной жидкости, она – женщина? жидкость? – просачивается внутрь, адаптирует собственную структуру под выбранный профиль и замирает удовлетворенно: поисковая, подготовительная, миссия завершена, пора приступить ко второму, основному, этапу – деторождению.

И все казалось правильным, и все отвечало законам природы, встраивалось в великое целое вселенской гармонии. Смущало вот что: по словам Наставника, форма, на которой останавливала женщина свой выбор, должна быть лучшей. Не идеальной – не бывает идеальных форм в иллюзорном мире Взвеси, но – лучшей. Природа убедительно подскажет каждой женщине, кто именно – лучший для нее среди тех, кто находится в зоне видимости, до кого может дотянуться рука. Этот избранный женщиной и природой (если женщина сама не является материальной метафорой Природы) и станет ее мужем – при наличии такой воли, а иногда и против нее.

Но стоит появиться в пределах зоны поражения женских (природных) чар другой цели, более соответствующей тому эталону, что определила Природа для женщины, и все – нет вариантов! Жидкость неизбежно устремится в новый сосуд. Выходит, этот идеальный эталон дамочным мечом висит над теменем каждого мужчины. Твоя женщина рядом до тех пор, пока природа не прикажет ей сменить тару. И ничего она с этим приказом не сможет поделать – никак не воспротивиться основному инстинкту, генеральной программе.

У мужчин есть своя программа, творческая и созидательная. Если женщина форму принимает, то мужчина форму задает. Вот и действует мужчина неподотчетно собственному разуму, а по зову неких базовых законов – рыскает в стремлении налепить побольше пасочек. И тем больше пасочек мужчина должен налепить, чем лучше его генофонд. Таково веление Природы.

Однако, помимо этих простых по форме, но глубоких по сути гендерных программ, природа также наделила человека разумом и социальной функцией. И социальная эта составляющая мотивировала человечество на создание всевозможных моральных законов, часть из которых нашла отражение в законах юридических. Мораль, как все знают, капризна. Как там Наставник называл процесс поиска системой максимально сбалансированного состояния? Сукцессия? Вот только сукцессия природной экосистемы – процесс естественный, а трансформация моральных законов происходит в исключительной зависимости от искусственных факторов.

Кормчие человечества формулируют генеральную доктрину; на стражу этой доктрине ставят религию, государство, капитал; эти неодолимые стражи неустанно лепят все новые и новые морально-этические модели. Лепят так, чтобы каждая модель в полной мере соответствовала генеральной доктрине с учетом времени, места, а также того общества, для которого модель и была, собственно, создана. Именно моральные и юридические законы, изменчивые

час от часу и от страны к стране, определяют сколько жен иметь, сколько детей рожать, кому присягать и к чему стремиться.

Эти законы – моральные и юридические - не позволяют мужчинам «лепить пасочки», а женщинам – «перетекать из формы в форму». Как бы ни капризна была мораль, но ей удается заглушить зов природы. Право запечатывает сосуд пробкой, а мораль заливает пробку воском. И пусть «утечки» все равно неизбежны, но...

Но Нестор в своем грустном следовании из Раджаса к малозаметному муравейнику у забора под кустом смородины думал совсем не о моральных законах, господствующих доктринах и прочих очень важных вещах, которыми занимается Контора испокон веков. Он был далек сейчас от мыслей о кормчих человечества, об их нечеловеческих целях - Нестора терзала совсем иная мысль. И даже не мысль – чувство. Если бы Нестор не был Нагом, то в этом чувстве любой обнаружил бы признаки обычной ревности. Но Наг выше ревности, вернее – в стороне от нее, как в стороне от любых субъективных оценочных категорий – ведь инициация Нага сродни просветлению.

Но странная мысль уже ворвалась в разум, вытеснила все другие мысли из их исконной обители и взгромоздилась в самом удобном кресле, задрав ноги на стол. Мужчин природа обязывает набирать количество, женщин – искать качество. Может, Серега – друг детства и крестный отец – был выбран Ниной тогда не просто по наущению эриний, из мести, а как раз по тому самому первобытному зову Природы? А что это значит? А то, что Серега для Нины – лучший сосуд, форма, более приближенная к неведомому генетическому эталону.

Если бы Нестор вернул себе способность трезво размышлять, он улыбнулся бы: именно так терзает себя каждый мужчина, ощутив мелкособственнические уколы ревности. Но первое, что делает злобная ревность с разумом, - лишает его способности трезво рассуждать. Окутанный облаком мрачных раздумий, Нестор рассеянно материализовался под кустом смородины. Но перевоплотиться не успел – помешал душераздирающий женский крик:

- Змея! Нестор! Нестоооор!

Нина резвой тенью метнулась в дом, ища защиты за толстыми каменными стенами, а Нестор быстро принял человеческий облик и крадучись направился следом, кляня себя за ротозейство и безалаберность: кто ему, Нагу Четвертого дна, мешал навести морок и воплотиться во Взвеси незримо, хотя бы во избежание вот таких вот казусов.

Подходила к концу длинная и насыщенная суббота.

17.

Нестор никогда не был в лесу. Не в пригородных посадках шириною в десять деревьев, а в настоящем лесу. В таком, где можно встретить живого зайца, услышать, как токует глухарь, или замереть в страхе от волчьего воя. Где можно заблудиться, в конце концов. В таком лесу Нестору бывать не доводилось.

Поэтому сейчас он нервничал. Трава кое-где была упорядоченно примята, что могло означать тропинку. Нестор не знал, как выглядят тропинки в лесных чащах, но надеялся, что это именно она. Куда-нибудь да выведет. К распутному камню, например. Нестор усмехнулся. Указатель, пусть даже сказочный, действительно не помешал бы.

Стремительно темнело. Даже такие еле заметные признаки человеческого присутствия, как примятая трава, скоро вовсе перестанут быть видны. Нестор попытался «смотреть душой», как тогда, в Апокалиптическом туннеле, - не получилось. Видимо, в иллюзорном мире Бытия умение «видеть душой» работает иначе.

Надо что-то делать. Позвать на помощь? Почему-то такая мысль не казалась удачной. Лес был странным. Во-первых, деревья. Форма листьев, структура коры на стволах, размах ветвей, - все было знакомым, но в совокупности не давало даже намека на какое-то известное название. «И почему я не биолог?» - в который раз с досадой подумал Нестор.

Во-вторых, звуки. Их не было. Ни шелеста листьев, ни треска хвороста, ни фонового стрекота насекомых. Нарушить это загадочное безмолвие громким криком казалось кощунством. И Нестор молчал. Шел, отыскивая путь среди частых стволов, беззвучно опуская ноги в густой мох. Сейчас стемнеет, и дальнейшее движение станет не только бессмысленным, но и опасным. Нужно искать место для ночлега. Беда в том, что ночевать в лесу Нестору также не доводилось.

Был еще один выход – найти щель. Подошел бы любой лаз – звериная нора, паучья норка или муравейник. Любой нерукотворный путь, ведущий в Раджас. Следов человеческой деятельности, если не считать намека на тропинку, здесь не было, но и нерукотворных дорог Нестор пока обнаружить не сумел.

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Глубоко вдохнул вязкий лесной воздух. Что-то было не так. Какой-то еле различимый чуждый элемент. Запах! Так пахнет дым – от костра? Или от лесного пожара? Ни единого порыва ветра. Тишь. Как же определить направление? Откуда пришел дым? Нестор рыскал носом, как заправский охотничий пес. Скорее всего – дальше по тропе, там, за густым кустарником.

Совсем стемнело. Луна, может быть, и царила среди звезд в эту ночь, но в этом лесу, под кронами, было совсем иное царство – безлунное, беззвездное, беспросветное. Нестор пробирался меж стволов почти наощупь. К счастью, чутье не подвело – беззвучие вдруг разломил треск, похожий на выстрел. Еще один, и еще. Нестор не сразу догадался, что так трещат поленья в костре. А вот и зарево за кустами в загустевшей темноте. Еще несколько шагов сквозь колючие стебли, и Нестор оказался на краю небольшой лужайки. В центре лужайки горел костер.

Резкие, точеные тени плясали вокруг. Пламя было неровным: то взымалось над головами тех, кто сидел у костра, то опадало и недоверчиво пряталось в трескучих поленьях. Свет рисовал на земле переменчивые контуры, в границах которых застыли темные фигуры. Нестор не мог сосчитать их количество – темнота отступала клочьями, а потом вновь возвращалась на утерянные позиции, поглощая людей. Нестор замер, невидимо и тихо, не решаясь предстать пред очи незнакомого собрания. Он, затаив дыхание, наблюдал, как иногда то одна, то другая фигура оживала, окунала в костер новую порцию пищи для пламени и вновь становилась недвижимым силуэтом.

Но вот очередной причудой в игре света и мглы, как вспышкой стробоскопа, была мгновенно выброшена напоказ, на авансцену, ближайшая к Нестору человеческая тень. Нестор увидел лицо даже не в профиль – всего лишь «в четверть», как говорят фотографы, но не мог не узнать знакомые глаза.

- Зоенька! – радостно прошептал он.

И Зоенька услышала. Она медленно завершила разворот, отчего оказалась сидящей спиной к костру. Ее лицо снова съела тьма, и фигура от этого перестала быть Зоенькой. Нестору стало страшно.

- Ты? – снова прошептал он.

- Я, - услышал в ответ. – Давно ждем.

И Зоенька опять обернулась к пламени – так в виртуальном музее показывают античные статуи, плавно вращая их перед наблюдателем на фоне черного бархата. Зоенька не залилась звонким смехом, не бросилась на шею, даже не позвала, не пригласила к костру. Нестору стало холодно. Он не решился сделать вперед ни шагу.

Вдруг Нестор понял, что странным образом он так и видит Зоеньку – ясно и отчетливо, как экспонат на выставке. Хрупкие плечи девушки скрывала черная – если восприятие цвета не обманывало – облегающая блуза, поверх которой, через левое плечо, был перекинут конец ткани такого же черного цвета. Складки ткани подчеркивали каждый изгиб грациозной фигуры. Это было сари. Неожиданно для самого себя Нестор вспомнил, как называют блузу, надеваемую под сари. Чоли. Точно – чоли.

И тут девушка заговорила. В обычном темпе, без всяких змеиных гипнотических штук, на которые была так горазда в их нескудных и недетских играх. Говорила, не оборачиваясь, - бросала фразы, как поленья, - в костер, не ожидая ответа, не давая Нестору повода перебить, вступить в диалог.

- Все слуги нынче бегут от своих хозяев. Странно. Раньше мы так любили служить. Мы готовы были спешить по первому повелению милого голоса. Мы не спорили, даже помыслить не могли, что слово хозяина – пустой звук. Вся наша жизнь была искренним, чистым, прозрачным служением. В подчинении мы находили радость и легкость. Такая жизнь казалась нам верхом блаженства. Высшим предназначением каждая змейка считала услышать хозяина и безукоризненно исполнить его наказ. Нет ответственности, нет забот. Только одна – лишь бы он был доволен. Но мы разлюбили служить. И знаешь почему?

Нестор почувствовал, что этот вопрос обращен к нему и поспешил что-то сказать, пусть о другом, лишь бы прервать эту странную, а потому жутковатую речь. Но не успел.

- Потому что хозяин должен быть справедлив. Такова его роль, его функциональная обязанность, которая проистекает из его естества. Несправедливый хозяин – как нерадивый слуга – невозможен. И справедлив он должен быть не только к слугам, но и ко всему миру. Но кто-то решил, что можно ворваться в фарфоровую лавку на быке из соседнего загона для родео. (Нестор вспомнил, что о чем-то похожем они уже говорили с Наставником, - о быке и фарфоре, о слоне и посуде). Что можно стать хозяином, закончив школу эффективного лидерства.

Тут Зоенька вспомнила о существовании Нестора и чуть повернулась к нему.

- Слишком много стало хозяев. Больше, чем слуг. Лезут все наперебой. Никакого аристократического такта, - последняя фраза была сказана с улыбкой, и Нестор растаял.

Но тут пламя костра сфокусировало его внимание на втором действующем лице.

18.

Красивая женщина в солнечно-желтом сари и таком же чоли сидела, грациозно облокотившись о могучий древний пень. Пень был неровным, как будто дерево не спилили, а чья-то исполинская рука просто переломила неохватный ствол у самого основания. Обломила и унесла, - может, в качестве зубочистки, - потому как в пределах видимости ствол отсутствовал. Несмотря на неровности, в широких морщинах деревянного истукана устойчиво покоился бокал на тонкой высокой ножке, наполненный искристой жидкостью.

- Привет, Нестор, - буднично поздоровалась Нина (а это была она). Нина пригубила шампанское (или амриту?) и глянула на Нестора поверх бокала. Сказала с укоризной:

- Что же ты нас не познакомил? – и улыбнулась. – Знаю, мы из разных миров. Но ты же рассказывал мне о Нагах. Почему умолчал о змейках? – и тут же повела плечом:

- Я бы все равно не поверила.

«Как она логична!» - восхитился Нестор.

- Не поверила! – сказала еще раз, как поставила печать. – Фантазий, Нестор Иванович, у вас много. А вот женщина у Вас одна-с.

Нестор поспешно закивал, безоговорочно соглашаясь.

- Нынче женщины не умеют быть женами. Не хотят ответственности. Не любят впрягаться, - продолжала Нина, но говорила уже не Нестору, а пню. – Судьба жены будет счастливой лишь в том случае, когда многочисленные обязанности легки и приятны, как воздух. Это устойчивое, несмыслимое напряжение на разрыв не истощает, а заряжает только ту женщину, для которой сама жизнь воплощена в таком напряжении. Во ты, мой дорогой, любишь свою работу?

Нестор и рад был бы ответить, но не мог произнести ни слова. Как не мог сделать ни шагу.

- Знаю, любишь, – продолжила Нина, не дав мужу шанса на ответ. – А ведь у тебя та еще работа. Каждый день одно и то же: сотня индифферентных ротозеев, ленивых, с донельзя завывающих.

шенной самооценкой и с уровнем гносеологической активности – ниже ватерлинии. Бьешься об стену – сизиф высшей категории.

«Они не такие! Неправда!» – хотел возразить Нестор, но одновременно с гордостью отметил, что жена – все еще учитель, а потому и термины использует «сленговые». А раз она все еще учитель, то и современных учеников не корит в неискоренимых недостатках, а с тихой любовью указывает на возможности. Просто делает это от противоположного, доводя до абсурда, что на том же сленге называют «апагогэ».

- И что тебе дает твой труд? Верно – моральное удовлетворение. Труд, от которого любой нормальный человек лег бы навзничь и бессильно зарыдал, – этот труд делает тебя сильнее. А почему? Потому что ты на своем месте. И я на своём месте. Я – твоя жена. Это мой плуг, мое поле. И мне не покинуть его, пока от края до края твои просторы золотом не zalьет поспевшая пшеница.

«Да она пьяна!» – с удивлением подумал Нестор.

- Но женщины стали другими. – Теперь Нестор видел, что Нина действительно разговаривает с пнем. – Они не готовы к самоотречению. Их не радует будничный труд. Они не хотят мести дом и рожать детей. Они не хотят любить своих мужей. Женщины по-прежнему бредят счастьем, но уже не готовы его дарить. Они требуют права на самореализацию, но забыли при этом, что самое тонкое, самое возвышенное женское искусство – прочная семья. Победы женщины – это победы ее мужа и ее детей. А нынче женщины, как ты, мой древний морщинистый друг: они утратили живую кровь, теперь в них можно разве что вставить бокал шампанского. – И Нина плеснула остатки напитка в огонь, а бокал вернула на неровную природную столешницу.

Пламя костра заискрилось от капель шампанского, как от крупинки магния. Жаркие языки вытянулись к ветвям, за которыми пряталась Луна. И Нестор увидел профили еще двух женщин, сидящих лицом друг к другу. Они расположились на камнях, поросших мхом. Не было на них ни сари, ни чоли – они были одеты по-мужски. На головах были тюрбаны, тело скрывали туники с длинными рукавами, на ногах – длинные штаны, заправленные в короткие сапоги. Одежды были кроваво-алые. Тут же, прислоненные к камням, на ребрах стояли небольшие кожаные щиты полуэллиптической формы. В землю были воткнуты два коротких прямых меча без ножен – ножны были небрежно брошены поодаль.

Соня и Фея – две прекрасные воительницы. Нестор вспомнил магический круг, вытоптанный в черной грязи на поле битвы, и двух танцовщиц в камизах, стянутых дупаттами. Вспомнил чарующий перезвон кинкини на их ногах и сияние бриллиантов в носовых кольцах-нат. А еще вспомнил двух очаровательных утренних гостей на Кисельной, 8 в забавных свитерах с мишками и шишками. И вспомнил «племяшек» Волха, профессиональных спутниц для солидных мужчин, притягивающих мужские (да и женские!) взгляды откровенными нарядами в барчике у мини-гольфа.

Сейчас светленькая и темненькая «племяшки» Семена Немировича были в красных одеждах. И красный – цвет страсти – им несказанно был к лицу. Казалось, они беседовали друг с другом, хотя Нестор был уверен, что каждая из них обращается именно к нему.

- Как думаешь, – спрашивала Соня у Феи (или у Нестора?), – в ком больше героизма: в поваре, на котором пестрый фартук, или в бравом солдате в походной униформе?

- Надо поставить их рядом и глянуть, – подумав, заключила Фея.

- Поставь и глянь, – разрешила ее собеседница.

Фея снова задумалась на секунду, затем сообщила:

- Повар будет толще и румянее. Хотя ты говоришь, что солдат в походе, значит, на спецпайке. Даже не знаю... С точки зрения хищной сексуальной пластики, солдат, конечно, впечатляет больше. Но плотные люди – добрее, а я люблю добрых. Если на сегодня, то – солдат. Если на три дня и более – повар.

- Я о героизме, а не о «хищной сексуальной пластике» или какой-то абстрактной доброте, - напомнила Соня.

- А разве, это не одно и то же? – искренне удивилась Фея.

Соня подкинула в костер несколько поленьев, потом вернулась к разговору.

19.

- Героизм – явление социально ориентированное, - пояснила Соня всем сидящим у костра и стоящему в кустах на краю поляны Нестору. - Герой свершает действия не в личных интересах, а в интересах народных масс, а еще лучше – в интересах передовых классов. Героизм требует от человека готовности к самопожертвованию.

- Все сходится, - невозмутимо возразила Фея. - И сексуальность, и доброта – явления социально ориентированные. Что может претендовать на большую значимость для общества, чем половое влечение или доброе отношение к ближнему? Продолжать человеческий род и хранить его – два самых социально ориентированных действия. И вообще, - Фея потянулась за мечом, обхватила рукоять, извлекла оружие из земли и принялась любоваться игрой огненных бликов на лезвии, - Гегель, например, считал, что совпадение индивидуальной самостоятельности личного дела и его всеобщего значения относится к периоду, предшествующему становлению развитого государства. С рождением государства умирает героизм.

- Ты так думаешь? – заинтересовалась Соня.

- Не я, - сказала Фея, не отрывая взгляд от лезвия. – Гегель.

- И ты с ним согласна?

- Абсолютно, - кивнула Фея.

- Можешь пояснить?

- Легко. Героизм не возможен в государстве...

- В любом? – быстро перебила Соня.

- В любом! – категорично заявила Фея. - По сути. Просто потому, что в любом государстве общественно значимыми считают не интересы каких-то там масс, а интересы государства. А государство, как мы безусловно убеждены, - это структура, созданная для удовлетворения интересов лишь части общества, причем крайне незначительной части. Согласна, коллега?

- Лишь отчасти, прости за тавтологию, - Соня пожала плечами и потянулась за своим мечом; пучком травы стала осторожно протирать лезвие от налипших влажных комьев земли и мха. – Именно поэтому ты перестала служить бескорыстно и решила продавать свои услуги за деньги?

- А ты продаешь свой резвый меч и натренированное тело по другой причине? – откликнулась Фея почти ехидно. – Не потому ли, что и для тебя присяга утратила свой героический вкус?

- Присяга не может утратить вкус, - возразила Соня, но как-то неуверенно. – Просто нужно знать, кому присягать. – И постаралась перевести тему:

- С поваром и солдатом мы не закончили...

- А мы про них и говорим, - уверила Фея. - Солдат приносит присягу государству, ему и служит, его и защищает. Есть героизм в таком служении?

- Разве нет? – коварно удивилась Соня.

- А что такое государство? – парировала Фея.

- Ну, так мы до утра с тобой не выгребем, - заметила Соня без энтузиазма. Но Фея продолжала, не обращая внимания на Сонино уныние:

- Если государство объединяет массы на основе социальных, культурных интересов, то служить такому государству – деяние бесспорно героическое. Но если рассматривать государство таким, каково оно есть, – как машину для поддержания владычества одних над другими

на основе разделения труда и прав собственности, - то никакого героизма в таком служении не сыщешь.

- Маркса читалась? – улыбнулась Соня. – А если эти «другие» сами желают ходить под княжеской рукой?

- Так оно чаще всего и бывает, - согласилась Фея. – Так оно и должно быть. Мы воюем, они, - Фея указала на Нину, - торгуют, пашут, занимаются ремеслом. Они, - Фея указала на Зоеньку, - служат и рады этому. Вот только правильно змейка сказала: в хозяева лезут все наперебой. И пропадает желание героически служить таким лжехозяевам, желание героически работать на них или их героически защищать. Вот тебе и героизм солдата.

Нестор не смог разобраться, в чем, собственно, по мнению Феи, заключен героизм солдата. Нестор был историком – с цеховой и общечеловеческой точек зрения, он всегда признавал воинский долг как наиболее героический и почетный. Но Соня, видимо, подругу поняла (или просто решила завершить затянувшийся спор):

- Согласна. А повар?

- А повар не присягает никому. Он просто готовит. Не знаю, готов ли он по роду службы к самопожертвованию, но вот уж точно, что его деяния – общественно ориентированные. Кроме того, я встречала таких поваров, у которых что ни блюдо – так настоящий подвиг. Героический и достопамятный.

- «Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти утра я должен идти в мой магистрат. Я не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть», - процитировала Соня Григория Горина голосом Игоря Кваши, игравшего бургомистра в кинофильме «Тот самый Мюнхгаузен».

- Ну-ка, прекратите болтовню, - раздался знакомый голос. – Мальчик мерзнет там в одиночестве, а вы тут спорите ни о чем. Как можно? Зовите его к огню!

- Мама? – Нестор устал удивляться.

Софья Николаевна сидела лицом к Нестору, смотрела на него немного рассеянно и очень по-доброму. Так она смотрела всегда. Ее чоли и сари были белоснежными – ткань клубилась летними ясными облаками.

- А разве можно? – спросила Зоенька, и сомнение отразилось на всех женских лицах. На всех, кроме мамино.

Мама кивнула, и неожиданно все заулыбались Нестору – и Зоенька в черном, и солнечная Нина, и алые подруги Фея и Соня. Каждая звала, каждая приглашала присесть рядом. И Нестор понял, что загадочные оковы спали, что теперь он волен идти к костру и волен говорить. Он сделал шаг, другой, и вот уже языки пламени обжигают вытянутые замерзшие руки. Нестор постоял немного, осмотрелся, обогрелся, и, обогнув костер, опустился на мягкий мох рядом с мамой. Если уж слушать упанишады, то поближе к ногам совершенномуудрого и дваждырожденного.

- Опять стирать и штопать! – пожурила мать, и Нестор вдруг понял, что на нем те же самые одежонки, в которых некогда лазал через липкий мазут, битое стекло и колючую проволоку. Шортики и рубашонка в три пуговицы размер имели взрослый, а вот фасон – детский, нелепый на тридцатитрехлетнем мужчине. Одежда действительно была изрядно испачкана и изодрана по пути через негостеприимный лес. Нестору стало стыдно.

- А почему мне было нельзя к костру? – спросил Нестор, хотя это был не самый важный из его вопросов. Просто он первым пришел в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.